

ПО КРУПИЦАМ
РОССИЙСКИЕ
ШКОЛЬНИКИ
ОБ ИСТОРИИ
XX ВЕКА

Ирина Викторовна Щербакова
По крупицам. Российские школьники об
истории XX века. Сборник работ лауреатов
Всероссийского конкурса исторических
исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия – XX век»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9013594*

*По крупицам Российские школьники об истории XX века Сборник работ лауреатов
Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в
истории. Россия – XX век» 2011-2013 годов: Мемориал; Новое издательство; Москва; 2013
ISBN 978-5-98379-180-0*

Аннотация

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера(ФРГ)

Издание осуществлено при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» и Фонда имени Генриха Бёлля.

В сборник вошли работы российских школьников – лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» 2011–2013 годов. Работы рассказывают о раскулачивании и Большом терроре, судьбах интеллигенции в 1920-1930-х годах, Великой Отечественной войне, блокаде и эвакуации, повседневной жизни советских людей в 1950-1980-х годах, Карибском кризисе, Чернобыльской аварии, распаде СССР и перестройке.

Содержание

Ирина Щербакова	4
Гюнтер Заатхоф	7
Семейные хроники	9
Анастасия Ларина, Артем Харитонов	9
Алексей Пойлов, Марина Пойлова	32
Анастасия Заварзина	45
Александра Катеман	61
По ту сторону правды	69
Алексей Губанов, Ольга Павлюченко, Артем Рыжонков	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Сборник работ лауреатов
По крупицам
*Российские школьники
об истории XX века*
Сборник работ лауреатов
Всероссийского конкурса
*исторических исследовательских
работ старшеклассников*
**«Человек в истории. Россия
– XX век» 2011–2013 годов****

**Ирина Щербакова
«Насущный хлеб» памяти**

Международное общество «Мемориал»

Предлагаемый читателям новый сборник работ российских школьников, присланных на конкурс «Человек в истории. Россия – XX век» в 2012–2013 годах, – уже 14-й по счету. За 14 лет получилась целая книжная полка с настоящей энциклопедией российской памяти о XX веке, составленной поколением «нулевых».

Но интерес представляют, на наш взгляд, не только собранные за эти годы школьниками (вместе с их учителями и родителями) и хранящиеся в архиве «Мемориала» тысячи исторических свидетельств, документов, человеческих историй, из которых мы смогли опубликовать лишь очень немногие. Важно, что благодаря этим работам можно проследить, как трансформировалась память о XX веке на протяжении последнего десятилетия, как изменялись за эти годы взгляды и представления, темы и сюжеты.

Самое очевидное – а мы старались отбирать для сборника наиболее характерные работы – это уход свидетелей тех трагических событий, которые коренным образом перевернули жизни и судьбы в России в первой половине XX века. Еще десять лет назад, когда школьники описывали эту эпоху, главным источником для них были живые носители памяти. Но сегодня это в основном разного рода и разным образом обнаруженные или путем долгих поисков добытые документы. Опора не столько на живые устные воспоминания, сколько на письменные источники все чаще придает семейной истории (а история семьи – одна из важнейших тем конкурса) форму исторической хроники, составленной из писем, дневников, документов и фотографий. Это создает трудности для юных авторов: им порой нелегко комментировать и расшифровывать такие материалы, сложно понять, а главное, представить себе то, что происходило за 70 лет до их рождения.

Но это, нам кажется, не умаляет значения архивных находок, которых много в этом сборнике. Например, переписка семьи Беллюстиных, из которой вырастает редкий по силе и трагичности рассказ о повседневной жизни российских интеллигентов во время Гражданской войны и в 20-е годы. Или записи в тетрадке, оставленные едва освоившей грамоту прабабушкой юных авторов из Волгограда, которая задолго до их рождения описала свою полную тягот и лишений жизнь.

Но и поиски документов в последние годы становятся все более трудным занятием. Попасть в архивы не только старшеклассникам, но и их учителям и родителям сегодня гораздо тяжелее, чем было еще несколько лет назад. Но даже если удастся найти документы, например, получить следственные дела – да еще сразу и на прабабушку, и на прадедушку – учителей карельского языка, арестованных по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии, – то их правнучке, школьнице из Твери, очень трудно анализировать абсурдные показания из этих дел, сфабрикованных во время Большого террора. Тут возникает еще одно важное обстоятельство – фактически никаких знаний о сталинском терроре, механизме массовых репрессий занятия в школе по истории не дают, а в нынешних обстоятельствах и не могут дать.

Но зато появилось то, чего не было в первые годы школьного конкурса, – широкое использование школьниками Интернета. Конечно, сеть не может заменить живое общение с историческими свидетелями, но Интернет помогает порой установить неожиданные связи, найти людей, упомянутых в документах, проследить их судьбы. Например, в работе, посвященной судьбе семьи Семиз, владимирским школьникам удалось обнаружить связь авторов найденных ими писем с Анной Ахматовой, собрать сведения об эвакуации Эрмитажа, о жизни ленинградской интеллигенции во время блокады и многое другое.

Но есть и еще одна важная вещь, которая проявляется в работах последних лет. Отсутствие свидетелей и не восполненные белые пятна семейной истории заставляют наиболее любопытных и пытливых из наших авторов с поразительным упорством искать стершиеся следы – например, место захоронения расстрелянного в Туруханске прадеда и всех, кто вместе с ним проходил по кулацкой операции 1937 года, или восстанавливать судьбы без вести пропавших во время войны односельчан и родственников в татарской деревне, бороться за реабилитацию семьи российских немцев, стремиться восстановить добрую память о тех, кого долгие годы считали дезертирами, кулаками, врагами народа.

Конечно, авторы многих работ по-прежнему опираются на рассказы свидетелей, но эти свидетели – бабушки и дедушки сегодняшних школьников – рассказывают уже о временах и событиях гораздо менее кровавых и трагических: о 60-80-х годах XX века. Это подробные описания повседневной жизни в российской глубинке, рассказы о сером и трудном быте, когда жизненное время уходит на доставание вещей и продуктов, когда помнится каждая успешная «добыча» вроде пары белых туфель для невесты или букета цветов. Но благодаря таким живым деталям юные авторы улавливают дух времени, передают ощущение застоя, развала системы. Нарисованная ими картина провинциальной советской повседневности вольно или невольно разрушает популярный сегодня миф о якобы благополучно-счастливой брежневской эпохе. Не только описание постоянной битвы за сравнительно «нормальную» в советских условиях жизнь работает на эту демифологизацию, но и примеры бесправия людей, жизни которых власть бездумно и бессмысленно подвергает риску, посылая в Афганистан или на ликвидацию Чернобыльской аварии.

Наиболее живыми и личными – и это тоже характерно для работ последних лет – получаются те из них, где сами авторы выступают в роли исторических свидетелей, когда включается и их собственная или еще «близко лежащая» память. Это касается эпохи 90-х, пережитого многими семьями распада СССР, когда приходилось бросать дома и квартиры и искать пристанище в России, начиная все с нуля. Это попытки разобраться в том, как сказались на жизни их близких реформы, как проходила приватизация, как это выглядело в их родных местах, где полученные ваучеры обменивали на мешок сахара или индюшку. И это попытки разобраться в одном из самых тяжелых явлений сегодняшней жизни – в причинах недоверия и нелюбви к чужим, к приезжим и просто к другим...

Конечно, сохранить живую передачу памяти другим поколениям едва ли возможно, но, как мы видим по многим работам, возможна передача личного и семейного опыта, включение его в широкий исторический и культурный контекст, как возможно и осознание хода и движения истории и своего собственного места в истории. Включение семейной памяти с ее «насущным хлебом» создает живую традицию и настоящую преемственность, которой так не хватает в российской исторической памяти.

Об этом пишет в своей работе школьница из Петербурга, показывая эту связь, эту историческую преемственность на самом простом примере – передаче кулинарных рецептов – от прапрабабушки, которая была кухаркой у принца Ольденбургского, до нынешних времен:

Семейные обеды, праздничные застолья – часть нашей семейной культуры. За столом мы рассказываем о прошедшем дне, слушаем воспоминания взрослых. Я думаю, мне и моей сестре удастся сохранить эту традицию. Мы едим блюда, которые теперь, когда мы знаем их историю, являются для нас отголосками времени... Ненаписанная кулинарная книга моей семьи – это книга воспоминаний. Читая ее, я переживаю историю своей семьи. Кулинарные традиции – ниточка, которая связывает у нас разные поколения, разные времена. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мы чувствуем эту связь. Умение сохранять традицию способствует сплочению семьи, помогает выстоять в трудных обстоятельствах, что как раз и было проверено на примере моих близких.

Гюнтер Заатхоф «У прапрадеда нет могилы»

Фонд «Память, ответственность и будущее»

Эти слова Дарьи Шевченко из Туруханска относятся к очень многим людям, чьи судьбы исследуют и восстанавливают школьники, принимавшие участие в историческом конкурсе «Мемориала». Это те, кто были расстреляны во время Большого террора 1937–1938 годов, это пропавшие без вести на полях сражений Второй мировой войны в 1941–1945 годах, это лежащие в безымянных могилах в Германии, там, где были концлагеря и лагеря для военнопленных.

Но что это означает: нет могилы? Это значит, что нет места, куда можно было бы прийти, чтобы помянуть своих близких. Это значит, что люди, как правило, очень мало знают о судьбе погибших родственников. Страх и травма от пережитого долгие годы заставляли многие семьи молчать о том, что случилось с их близкими. Угроза репрессий, официальный запрет упоминать о жертвах усиливали это молчание (а в большинстве случаев являлись его причиной).

В своей работе Дарья Шевченко представляется читателям как потомок своего прапрадеда: «Я праправнучка сосланного в Туруханск и расстрелянного в Туруханске Фёдора Григорьевича Долгинского, и мы, его потомки, живём в Туруханске». Она нарушила семейное молчание, начала поиски информации о прапрадеде и, таким образом, прибавила нечто важное и к своей идентичности. Ее взаимосвязь с судьбой предка совершенно очевидна: ведь если бы его не сослали в Туруханск, ее семья и она сама сегодня там бы не находились.

И в сочинениях других школьников также часто звучит поразившее их авторов понимание: если бы мои предки тогда не выжили, меня бы сегодня не было на свете. Таким образом, давняя история становится конкретной и личной. Она становится интересной – и более того, она начинает определять собственное «Я» автора.

Уже в одном этом заключена большая польза, которую приносит конкурс: школьники узнают, кто они и откуда происходят. Расспрашивая своих близких или других исторических свидетелей о том или ином событии, они начинают разговор о прошлом в своей семье, деревне, школе и прорывают, таким образом, пелену молчания. Собирая информацию в архивах, они возвращают своим семьям их историю, а тем, кто лежит в безымянных могилах, – их имена.

«Я рада, что эти воспоминания войдут в историю нашего семейного архива. Благодаря этому конкурсу я многое узнала о своей прабабушке, ведь об этих событиях в нашей семье подробно не знали, потому что прабабушка не любила об этом вспоминать», – пишет Татьяна Трашкова из Великих Лук. Ее прабабушка была во время войны угнана немцами на работу в Германию, в город Любек.

Работа Татьяны начинается словами: «Четыре моих прадеда воевали. Двое из них пропали без вести. Все попытки родственников отыскать их могилы после войны не принесли результата».

Война, немецкое нашествие, мужчины, ушедшие на фронт; военнопленные и угнанные, ставшие жертвами рабского труда в Германии, возвращение на родину, которая встретила их очень сурово, – об этом рассказывают многие работы сборника. И немецкий Фонд «Память, ответственность и будущее» поддерживает исторический конкурс «Мемориала» в том числе и потому, что его участники, рассказывая о трагической и полной боли общей истории Германии и стран бывшего Советского Союза, в своих исследованиях не ходят по «проторенным дорогам».

Алена Елисова начинает свою работу с такого наблюдения: «Мой прадед, Усман Тенишев, прошедший через всю войну, никогда не смотрел фильмы и передачи о войне. „Неправда всё это, не было такого“, – таков был его ответ на вопрос, почему он уходит от телевизора».

Алена проследила военные судьбы многих своих родственников и нарисовала очень сложную и неоднозначную картину. Заканчивая свою работу, она подводит итог: «В жизни всегда есть место подвигу и предательству, так было и будет. Можно стыдиться, а можно гордиться прошлым своей страны. Но и в том, и в другом случае важно знать, помнить и хранить настоящую, подлинную историю, как бы горька и обидна она ни была».

Трудно лучше сформулировать задачу, которую ставит перед собой и Фонд «Память, ответственность и будущее», – задачу сохранять память о преступлениях национал-социализма и увековечивать память о жертвах, извлекая из этого уроки для современности.

Понимание того, что надо поворачиваться к горьким и тягостным страницам прошлого, потому что иначе оно «не проходит», является серьезным достижением исторического конкурса, который проводит «Мемориал».

И еще одна важная вещь: этот конкурс стимулирует способность критически подходить к источникам и таким образом поощряет стремление школьников к независимым суждениям и оценкам. А это – одно из основных условий для стимулирования гражданской активности, участия в развитии демократических процессов и самостоятельных поисков исторической правды. Потому что интерпретация истории и культура памяти должны основываться на реальном историческом знании, независимых и объективных исследованиях, а не на идеологических схемах.

Конкурс «Человек в истории. Россия – XX век» широко известен во многих регионах Российской Федерации. Он, несомненно, способствует формированию будущего общества, потому что участвующие в нем молодые люди, которые потом займутся самой разнообразной профессиональной деятельностью, получают очень важные импульсы для своей дальнейшей жизни.

И за это – моя признательность и благодарность обществу «Мемориал».

Семейные хроники

Анастасия Ларина, Артем Харитонов

Семейные хроники.

**Дневники и переписка семьи
Беллюстиных 1918–1928 годов**

г. Владимир, научный руководитель В. С. Бузыкова

Наша работа посвящена изучению уникальных исторических документов – дневников Всеволода Константиновича Беллюстина, известного российского педагога, работавшего с 1912 по 1916 год директором народных училищ Владимирской губернии, и писем его старшего сына Константина. Мы занялись восстановлением судьбы этого человека, связанного с историей образования в нашем крае. Самой большой удачей явилось личное знакомство с внуком нашего героя – Николаем Сергеевичем Беллюстиным, который проживает сегодня в Нижнем Новгороде и является хранителем семейного архива и исследователем рода Беллюстиных. Он прислал нам сканированные дневники своего деда, охватывающие период с 1907 по 1925 год, а также письма его старшего сына Константина Всеволодовича 1916–1930 годов. Судьбы В. К. Беллюстина и его сына Константина – крупницы в огромном трагическом водовороте истории России XX века.

Дневник Всеволода Константиновича Беллюстина

1918 год

К сожалению, за 1918 год Всеволодом Константиновичем сделано очень мало записей в дневнике, но и они дают возможность увидеть тот хаос, в который погрузилась страна за несколько месяцев правления новой власти, власти большевиков.

1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет:

Год теперь очень тяжелый и разговоры тяжелые... С начальницей семинарии Зоей Вл. рассуждали о том, что в январе месяце может не быть ни жалованья, ни стипендий. Что-то будет со всеми? Наша семья еще протянет, а вообще-то многим придется очень туго.

Но Всеволод Константинович ошибался, надеясь, что его материальное и социальное положение позволят ему преодолеть начавшиеся трудности. Прошло еще два месяца, и 3 марта появляется запись:

В институте сейчас живется трудно. Да и вообще живется слишком нелегко, тягостно. Властвуют большевики, т. е. предатели, сумасшедшие, отбросы и глупцы. В институте 30–31 января мне было выражено недоверие, а затем отменено. Я впал в уныние и даже малодушие. Перспектива действительно была страшная – остаться без всего в такое безалаберное время. Хорошо, что гроза на этот раз прошла.

Еще совсем недавно Всеволод Константинович был уважаемым человеком, педагогом-методистом, имя которого было широко известно российским учителям. В каждой

губернии считалось большой удачей получить его согласие на участие в учительских курсах. Его книга «Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики» поставила его в ряд с лучшими просветителями России начала XX века. И всё это больше ничего не значило. Другой причиной, угнетающей и раздражающей Всеволода Константиновича, является включение его в работу разных общественных организаций и комитетов.

Главным образом, хлопочу в потребительской лавке и в квартальном комитете, – записывает он в дневнике. – В лавке я через неделю исправляю обязанности казначея. В квартальном комитете я председатель, собираемся еженедельно.

Таким образом, вся жизнь педагога Беллюстина заполнена теперь не педагогической работой, а какими-то другими делами и заботами: собраниями, комитетами, союзами, потребительскими лавками и другой работой.

О резком ухудшении быта семьи говорит следующая запись от 3 марта 1918 года:

Спал плохо из-за блох. Квартира тесновата и отчасти сырая, полной чистоты навести не удастся, белье меняем редко, потому что дорого стоит стирать, да и белья-то мало, потому что дорого стоит его заводить.

Но самая большая проблема – это невозможность купить продукты. Их стали нормировать по социальному признаку, выдавать не за деньги, а распределять то по месту проживания, то по месту работы, то по школам. Это привело к полной неразберихе.

На лето 1918 года семья Беллюстиных уехала в свой дом во Владимир. Здесь у них оставалась корова, был сад, которые стали спасением семьи от голода. «Молоко было в это время главным нашим питанием», – пишет в дневнике Всеволод Константинович.

Приехав в Нижний Новгород, семья Беллюстиных первым делом стала заботиться о заготовке овощей. Целыми днями всей семьей они таскали мешки с городского огорода.

Весь день посвятили на переноску овощей, – пишет Всеволод Константинович. – Принесли с городского огорода 5 мер картофеля, 4 меры свеклы и 2 моркови... Перетаскивали пудами или мешочками и корзинами примерно через каждые 50 сажен...

Эти несколько страничек дневника Всеволода Константиновича Беллюстина 1918 года дают возможность увидеть тяжелое положение людей, в которое их поставили исторические события 1917 года.

1919 год

В 1919 году записей в дневнике Всеволода Константиновича также немного. Первая сделана 8 марта по старому стилю. Он пишет, что появилась горечь во рту из-за плохого питания:

Едим теперь всё и ничем не пренебрегаем. Всякая корочка на учете ими ей рады. Картофель мороженный, безвкусный – главное наше питание.

В Нижнем Новгороде Всеволод Константинович теперь живет только со старшими детьми: Костей, Раей и Сережей. С ними также живет старая няня. Раиса Львовна с младшими детьми уехала к себе на родину в Лемдяй Пензенской губернии. О положении в городе свидетельствуют строчки:

Покупать теперь почти ничего не приходится, потому что ничего не продают. За бешеные деньги, говорят, всего достать можно. Вместо чая давно уж, с осени, пьем воду. И ничего себе, вода не хуже, чем чай, конечно, вода горячая.

Новая запись появилась только 9/22 мая 1919 года. Всеволод Константинович остался в Нижнем один, так как занятия у старших детей в апреле закончились и он отвез их в Лемдям. Читать об этих поездках без сострадания невозможно:

Мы двинулись в Лемдям в среду 24/7 мая, хотя пытались сесть на поезд еще 23 апр. – 6 мая, но не влезли в вагон. С утра мы засели в товарный вагон. К вечеру доехали до Лукоянова. Тут у нас отцепили паровоз для мобилизованных; мы стояли в Лукоянове ночь и половину дня. Холодно, тесно, спать трудно. С 2-х часов дня попали на товарный поезд, на тормоз; с большою скорбью, с мольбами и плачем, с постоянными просьбам и у кондукторов, с угощением папиросами разных товарищей добрались к полуночи до Тимирязево. Это было 25 апр. – 8 мая. Утром 26 апр. – 9 мая выехали со служебным поездом до Саранска.

От Саранска до Лемдяя Всеволод Константинович с детьми шел пешком 35–37 км.

8 сентября Всеволод Константинович описывает свое путешествие в Большой Вьяс Пензенской губернии, где он получил место заведующего школой 2-й ступени. Эти поездки по России в первые послереволюционные годы читаются как триллер.

С четверга 29 августа отправился в путешествие во Вьяс. Поезд отошел из Н. Новг. в 10 ч. В пятницу 30 авг. в пути: до 4 ч. к Арзамасу, с 4 до 11 стояли в Арзамасе. К вечеру прибыли в Тимирязево, перебежали для ускорения в дровяной поезд и к полночи были в Рузаевке. Сидели до полудня в поезде к Воеводскому. Доехали до Симбухово в 2 ч дня. Пешком во Вьяс. Остановились в школе II ступени. Переговоры с учителями и волостным советом в воскресенье и понедельник. К вечеру пешком до Воеводского. Попали под дождь; ветер и темнота. На тормозе товарного поезда до Рузаевки. Прибыли за полночь. Дождь на вокзале рассвета и зашагал с Рузаевки на Лемдям. Грязь, дождь, ветер, дорога длинная и утомительная. Добрался уже после захода солнца. Среду 4 сентября просидел в Лемдям, в четверг 5-го попил чаю, поел и вышел в Саранске. Угодил прямо на поезд – пустой, товарный. В Тимирязево ночью. Там сели на другой поезд, с которым и плелись медленно до Лукоянова. Часа в 4 перебежали на другой поезд, на платформу с бревнами. Приехали к 10 часам вечера. Сидели до 7 часов утра в Арзамасе. Приехали в Н. Новг. к 2 ч. Натерпелся за всё путешествие холоду и остановок. Кашель и зубная боль.

Такие испытания выпали на известного в России педагога, уже пожилого человека – ему в 1919 году было 54 года. Трудно себе представить его, перебегающего с платформы на платформу, едущего на платформе с бревнами, сидящего в товарном поезде, шагающего десятки километров под дождем к семье в глухой Лемдям.

С октября 1919 года Всеволод Константинович начинает работать в Большом Вьясе. 24 октября он пишет в дневнике о том, что написал своему соседу по дому в Нижнем Новгороде «относительно вещей, которые остались у нас в квартире». Большое удивление вызывает перечень вещей, которые сегодня никто бы и за «вещи» не посчитал:

Кадка большая на дворе около погреба, кухонный стол, труба самоварная у студентов, ящики на кухне не менее 2, ящик небольшой для сиденья; на крыльце два макаронных и 1 побитый, 1 большой развихляистый. Еще осталась парта, испорченный стул, 2 горшка с

трещинками, полка над кухонным столом; гардероб у студентов и верх шкапа.

Описание этого скарба показывает, до какого нищенского состояния были доведены в короткий срок люди в России, если они пытались сберечь даже ящики, самоварные трубы и полки.

И последняя запись за 1919 год сделана 25 декабря:

Часов в 5 утра ходили к заутрени все. После нее носил воду, всего три пары. Затем пили чай (кофей хлебный) с молоком; черный хлеб и немного масла. Убирали елку до полудня. Пили кофей и ели лепешки из ржаной муки пополам с горьковатой пшеничной, которая осталась у нас от старого времени. До обеда сидели около елки в масках с Митей и Леней, а Костя и Раичка ходили на репетицию школьного спектакля (Женитьба). Обедали щи со свиной. Свиная своя и по случаю праздника досталось нам по кусочку, величиной с ложку. На второе – гречневая каша из остатков гречневой муки, привезенной из Нижнего. После обеда сидел у елки и писал это.

Ярким дополнением дневника Всеволода Константиновича являются сохранившиеся у потомков письма старшего сына Кости, жившего в 1919 году в Нижнем Новгороде вместе с отцом и регулярно писавшего матери о своей жизни и учебе.

Письма Константина Беллюстина за 1919 год

Михаил Афанасьевич Булгаков, который был свидетелем этих лет, в романе «Белая гвардия» написал такие строки: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й. Но 1919-й был его страшней». Документы семьи Беллюстиных, которые мы взяли для исследования, – подтверждение правоты этих слов писателя. В семейном архиве Беллюстиных сегодня хранится около 40 писем Константина Всеволодовича Беллюстина, написанных им из Нижнего Новгорода матери в Лемдяй Пензенской губернии в 1919 году. В тот год ему было 15. Стараясь сообщить больше новостей, Константин пишет иногда сумбурно, но сегодня эти письма – настоящая энциклопедия повседневной жизни России в тот страшный год.

Костя уже вовлечен в хозяйственные заботы, знает цены, понимает, что жизнь наступила тяжелая.

Милая мамочка! Как вы поживаете? Все ли здоровы? Мы все здоровы... Керосина мы не получили, в квартальной лавке потеряли закладную. Хлеб мы получаем каждый день, но его нам остается не более половины, а остальное сушится на сухари... Сливочное масло продавали на улице по 55 рублей за фунт, почему оно у вас?... Много ли вы запасли? Папа пошел в потребительскую, наверное, что-нибудь купит. Папа получил за курсы 600 рублей, теперь вам запастись можно больше, к весне всё подорожает. И сейчас наверно уж подорожало.

И в следующем январском письме Костя предупреждает:

Покупай больше в запас, потому что здесь купить нечего. В потребительской продается мука по 9 р. 50 к. и колбаса по 8 руб. 65 к. фунт. Папа купил того и другого.

Наесться досыта становится мечтой. Добыванием продуктов занято всё население.

Папа сегодня, т. е. в среду, хотел ехать в Лукояново за картошкой вместе с несколькими учителями от нескольких учебных заведений. Я ходил на вокзал провожать папу, но несколько человек не пришло, и дело расстроилось. Мы очень озябли, потому что был большой мороз, а вышли мы в шесть часов утра и пришли в 10.30. Папа пойдет сегодня в институт договариваться о поездке... Мамочка, приезжай скорей. У нас еще не учатся, не знаю, когда будем... Картошки мы не купили, потому что она совсем гнилая... Здесь валенки на мою ногу 100 рублей. Когда я был на Вьясе, валенки стоили 3 руб. Если и теперь так, то надо купить.

Об обнищании семьи свидетельствуют такие строчки из письма Кости:

На улице стало холоднее, идет снег. За форму отдал портнихе 6 рублей. А на ноги мне надевать нечего, потому что у штиблет нет подметок, а у сапогов стоптаны каблуки, и через один протекает вода и отстаёт одна подметка. Если их отнести к сапожнику, то пожалуй возьмет дорого. Хорошо бы взял рублей 8-10. А валенные сапоги продырявливаются, ну да их скоро будет не надо...

По этим письмам Кости к матери видно, что торговля любыми товарами и продуктами практически полностью прекратилась. Введена карточная система, по которой можно что-то получить, но не наверняка, а если достанется. С каждым днем жизнь становится всё тяжелей.

Хлеба опять хотят уменьшать, – пишет он Раисе Львовне 16 марта, – на первую категорию ½ фунта, на вторую ¾ фунта, так что нам придется 3 и ⅞ фунта на день... между тем, как при вас давали по 7 и ¾ на день. Мне очень бы хотелось ехать к вам.

К Костиному письму добавляет приписку Всеволод Константинович:

У нас особенных новостей нет. Пассажирские поезда остановились с сегодняшнего дня, есть слухи, что и товарные вскоре принуждены будут остановиться. Припасы в городе исчезают и купить почти ничего нельзя.

Через несколько дней Костя пишет:

В городе стало еще голоднее, и паек еще уменьшили. Теперь мы будем получать на всех меньше каравая на два дня. Один из нашего класса, Савинов, сошел сума от недоедания.

Общий хаос в стране отразился и на порядках в школе, на дисциплине учеников.

Я только сейчас пришел из гимназии... Сегодня у нас в гимназии дрались: кто за Коммуну и кто против. Победили, кто против.

В августе Костя вернулся из Лемдя в Нижний с отцом. Эта поездка опять стала для них испытанием.

Придя на вокзал, папа пошел узнать, скоро ли будет поезд на Нижний, но там сказали, что это неизвестно. И вот нам пришлось сидеть там целый день и ночь до 4 ч утра. Днем я ходил за кипятком и мы пили его с вишнями; ели хлеб с вишнями и огурцами. Сперва мы сидели на платформах, но потом нас оттуда согнали и мы ушли за вокзал и сели там на траву; решали немного задач. Часов в 9 вечера мы пошли в вокзал ночевать. Сперва сидели в зале, но потом нас выгнали. Через час нас опять впустил солдат... Получивши билет, мы пошли к поезду и, так как в вагонах было тесно, залезли на крышу, откуда нас согнали. Тогда начальник станции велел

прицепить два вагона, в которых народ и поместился. Мы сидели, но было тесно.

Удивительно, что даже наличие билета не гарантировало посадку в вагон. Почему пожилого человека с сыном прогоняли с платформы, выгоняли из зал а вокзала? А для кого и для чего это всё было построено? И люди покорно подчинялись вооруженным солдатам. Все боялись. Вот такую «свободу» несла новая власть народу.

Жизнь в Нижнем по-прежнему была тяжелой. В течение года цены на все продукты выросли в сотни раз. Костя пишет матери в августе: «Хлеб сейчас 1200 рублей за пуд, картошка 450 рублей. Я купил себе огурец за рубль». Сообщает он также матери о том, что «скаутов разогнали, теперь существуют скауты-коммунисты», но интереса к новым скаутам у Кости явно нет.

О напряженной обстановке в Нижнем в конце августа 1919 года Костя пишет:

Говорят, в Павлове восстание и, наверное, поэтому оттуда не ходят пароходы. И поезда ходят только до Арзамаса; в Лукоянове и Саранске восстания, в Сергаче тоже; в Сергаче 25000 взятых в плен казаков вооружились крестьянским оружием и воюют.

Ухудшение жизни и опасность голода все-таки заставляют Всеволода Константиновича уехать из Нижнего в сельскую местность. Он получил должность директора школы 2-й ступени в селе Большой Вьяс, недалеко от Лемдяя. Незадолго до отъезда Костя пишет матери:

Муки у нас больше нет, будем питаться сухарями; мы уж начали их есть с сегодняшнего дня. Хлеба совсем не дают... Папа говорит, что тебе надо съездить на Вьяс, узнать как там. Здесь ходят слухи, что Саранск занят зелеными; будто бы поезда ходят только до Арзамаса. Молока в молочной никак не достанешь, его совсем не привозят. Я теперь совсем не гуляю, некогда.

Письма Кости – исторические документы, отражающие повседневную жизнь эпохи Гражданской войны.

Дом В. К. Беллюстина во Владимире

Печальна судьба дома Всеволода Константиновича Беллюстина во Владимире. В 1914 году он купил дом на Вознесенской улице вблизи Вознесенской церкви. Дом был двухэтажный, просторный. Получив в 1916 году новое назначение в Нижний Новгород, Всеволод Константинович не стал продавать дом. Много труда было в него вложено, как и в прекрасный сад, из которого открывался красивый вид на Клязьму и заклязьменские луга.

Он планировал получать с дома доход, выйдя на пенсию. Но революция 1917 года разрушила жизнь и планы сотен тысяч людей. Уже 1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет в своем дневнике:

Предполагал я раньше, что можно будет жить на покое, получая пенсию и доход с дома. Теперь, возможно, прекращение пенсии и прекращение доходов с домов.

Уже приехав летом 1918 года во Владимир, семья Беллюстиных не смогла в нем разместиться, как хотела. Об этом пишет Костя в домашнем сочинении «Что я помню за 1918 год»:

Мы хотели расположиться в квартире в верхнем этаже в сад, но ее у нас заняли большевики, и мы поселились в одной комнате в подвальном этаже. Еще нам дали комнату Казанские, в которой спали я и Сережа. Большевики тоже дали комнату, где помещалась мама с Раей, Митей и Леней. Папа все время спал в подвале.

Таким образом, Беллюстины, оставаясь по документам владельцами дома, уже не могли свободно в нем проживать. Во владимирском доме Беллюстиных оставалось много вещей, которые они не перевезли с собой в Нижний Новгород, в том числе и богатейшая библиотека Всеволода Константиновича.

В 1919 году семья В. К. Беллюстина с младшими детьми уехала из Нижнего Новгорода к себе на родину в Пензенскую губернию, немного позднее в эти же места переехал и Всеволод Константинович. Летом 1920 года Беллюстины узнали о том, что их дом во Владимире сгорел. Несмотря на все трудности, жена Всеволода Константиновича приехала во Владимир после пожара, чтобы посмотреть, что осталось от дома и не сохранилось ли что-нибудь у квартирантов, что можно было бы забрать с собой. Об этой поездке сохранилась запись, сделанная Костей:

Когда мама ездила во Владимир, Нета, бывшая прислуга, объяснила ей, что часть вещей была расхищена квартиранткой В. Сидоренко и ее сестрой Исаевой. Была мама и у Сидоренко и увидела, что зацепки у драпри сделаны из красного сатинета, бывшего некогда сарафаном Раички. Сидоренко смутилась и сказала маме, что эту матерью она получила от своей сестры Исаевой. Еще она рассказала, что бельевой шкаф, стоявший в полуподвальном этаже, был вскрыт при ней председателем земельно-жилищного отдела Морозовым. Все вещи были расхищены. У Исаевой из наших вещей мама видела буфет, диван, старенькую тюлевую занавеску и картину, подаренную В. Н. Казанским.

Эти строчки показывают действия власти, представители которой не стеснялись вскрывать чужие шкафы, давая повод и другим не очень-то бояться бывшего владельца. В архиве Всеволода Константиновича сохранилась копия его жалобы на разорение дома и произвол. Вот ее текст:

Приношу жалобу на незаконные действия коллегии Владимирского уездно-городского коммунального отдела. Постановлением коллегии уездно-городского коммунального отдела 26 мая 1920 года взяты мои вещи домашнего обихода, перевезены на городской центральный склад и распределены. Но 22 апреля 1920 г. опубликован декрет о реквизиции и конфискации. На точном основании того декрета я много раз обращался в коллегию, чтобы 1) мне выслана была копия акта с точным указанием формальных оснований, по которым имущество отобрано, и с точным указанием отобранного имущества, 2) чтобы по статье 9 декрета была произведена мне оплата отобранного имущества по вышеуказанному адресу. Никакого ответа на неоднократное заявление не получил. А потому прошу: 1) понудить коллегию уездно-городского ком. отдела выслать мне копию акта по ст. 9 декрета. 2) понудить коллегию оплатить мне отобранное имущество по ст. 9 декрета, 3) признать действия отдела незаконными и выдать в том мне письменное уведомление по вышеуказ. адресу.

Дополнительно заявляю:

1) лично явиться во Владимир не могу, так как в школе несколько работников и отпуска не получаю. Нанять доверенного не имею средств по многосемейности (8 едоков) и как проживающий только на жалование школьного работника, 2) отобранная у меня библиотека в количестве до 2000 книг содержит в большинстве книги, необходимые мне как специалисту по методике математики (мое сочинение «Очерки по истории арифметики» значится в числе рекомендованных наркопросом). 3) книги и вещи оставлены были мною во Владимире, потому, что я подал заявление в Совет Владимирского института Народного Образования о желании быть лектором института по своей специальности и получил благоприятный ответ.

Никакого ответа Всеволод Константинович не получил. Также из владения Беллюстиных были изъяты дома в г. Зубцове – дом В. К. Беллюстина и дом матери, завещанный ему. Два из трех домов В. К. Беллюстина были безвозмездно изъяты новыми органами власти у их владельца, а один, из страха, что его отберут, был продан на дрова. Судьбы домов Беллюстиных были типичны для многих собственников домов в России. Для безвозмездной конфискации власть находила тысячи «уважительных» причин.

Письма Константина Беллюстина периода учебы и жизни в Москве в 1921–1928 годах

Последствия первых лет советской власти: голод, безработица, социальная дискриминация привели к тому, что большая и дружная семья Беллюстиных распалась на части. Мать с младшими детьми, спасаясь от голода, оказалась на своей родине в Пензенской губернии в селе Лемдяй, глава семьи со старшими детьми какое-то время оставался в Нижнем Новгороде, а старший сын Константин с 1921 года начал учиться в институте в Москве. По установленной Раисой Львовной традиции все члены семьи обязаны были регулярно писать и отчитываться матери о здоровье, обстановке, условиях жизни. Что с большой аккуратностью делает их старший сын.

1921 год

Первое письмо Константина датировано 12 мая. Вместе со своими друзьями он едет в Москву поступать в институт. Дорога была длинной и трудной, с пересадками и долгим ожиданием поездов. Сначала друзья шли до станции Симбухово пешком, а дальше было так:

Пришедши на Симбухово, и не добившись, когда пойдет поезд, сели немного почитать. Часов через 5 пошел маршрутный поезд, на который сесть нам не удалось, так как свободное место было только на крышах товарных вагонов.

Катастрофическая ситуация, которая сложилась в России на железных дорогах в исследуемый нами период, подтверждается этими строчками письма нашего героя.

Следующий поезд, тоже товарный пришел в Симбухово в среду в 4 часа утра, на него мы и сели, правда, не совсем обыкновенным способом. Во первых, пришлось вскочить на ходу, но главное, не в вагон или тормоз, а на цистерну. Положение было довольно-таки трудное, – откровенно пишет Костя, – так как держаться не за что – цистерна круглая, она качается и вдобавок приходилось держать вещи. Наконец доехали до Воеводска.

И заканчивает письмо грустной фразой: «Скоро вряд ли удастся приехать».

Следующие письма Кости относятся к сентябрю 1921 года и отправлены в Пензенскую тюрьму к отцу, где он содержался после ареста 1 июля на учительском съезде в Саранске. В первом письме с пометкой «проверено старш надзир» Костя описывает отцу, как семья, живущая в селе Лямдяй Пензенской губернии, сохраняет и убирает урожай, который они выращивали с великим трудом всё лето, чтобы как-то обеспечить себе пропитание.

В следующем письме, вернее записке, переданной Костей отцу в тюрьму (с пометкой «просмотрено») читаем: «Очень жаль, что не удалось поговорить, а спросить тебя нужно о многом».

В Москву на учебу Костя приехал с опозданием в середине октября, и город не очень обрадовал студента.

Во первых общежития нет, комнаты нет, паек за октябрь в количестве 30 фунтов хлеба мне не дадут, к 15 ноября сдать все зачеты (в противном случае оставаться на второй год) и т. п.

В письме от 13 ноября Костя сообщает, что нашел комнату, которая показалась ему хорошей, «но потом как оказалось, она имеет некоторые недостатки». Современному человеку то, что Костя называет недостатками, показалось бы катастрофой.

Во первых, она сыра, так что с наружной стороны отклеились обои, дома, незадолго до нас испортился водопровод и приходится ходить с чайником с третьего этажа во двор; но это ничего, а главное затруднение вышло с печкой. В комнате ее не было, а зимой не топя, жить невозможно. И вот мы вдвоем (я живу вместе с одним, приехавшим из Алтая, кончившим II ступень) заделались печниками и сделали печку в 35 кирпичей. Но она почему то так дымит, что можно только лежать на полу, а иногда топится хорошо. В ней мы варим себе картошку. Из мебели часть сколотили сами, а часть нашлась у соседней по комнате. Все-таки устроились ничего себе, – заканчивает Костя рассказ о своей комнате. Жить без водопровода и отопления, да вдобавок без мебели – и считать такое положение вещей «ничего себе»!!!

По письмам Кости осеннего периода можно уже догадаться, что программа НЭПа начала реализовываться, город наполняется товарами.

Москва начинает принимать прежний вид. Магазинов очень много и, главное, все с товарами. Нашему брату только приходится смотреть в витрины.

Он в каждом письме отмечает резкое повышение цен на все продукты:

Хлеб 5000 рублей и будто бы он состоит на 1/3 из картошки. Но если пройтись по Сретенке и Петровке, – удивляется Костя, – то забудешь и про голод. Хотя бывает и так: в одном окне выставлены лепешки из муки и листьев, 2% первой и 98% вторых и с афишей, призывающей на помощь голодающему Поволжью, а рядом торты, икра черная 120 тысяч рублей за фунт, балык осетровый и семга – 60 тысяч рублей за фунт.

Упорство Константина в занятиях дало результаты. «Профессор теперь меня знает, считает одним из лучших студентов... И по остальным предметам стараюсь быть не в числе средних», – не без гордости пишет он матери. В другом письме он продолжает успокаивать родителей не беспокоиться о его быте.

Я чувствую себя хорошо, так как мне теперь беспокоиться и хлопотать не о чем. Живу по старому в той же комнате, варю картошку и хожу в Институт. Почти только в этом занятии и проходит всё время.

Зимы здесь еще настоящей нет: снегу на ½ сант. и температура от 0 до -5. Все-таки в комнате у нас холодно и я иногда по вечерам занимаюсь у соседей и даже изредка ночью. Хорошо я попал – кругом все хорошие люди; иногда утром отдаю сварить картошки и к обеду прихожу к готовой. А то очень надоедает, придешь часа в 4, когда уже смеркается, а ничего не готово, приходится топить печку и готовить обед. Паек я немного не рассчитал: хлеб кончился, и я до нового, если его не дадут, буду употреблять сухари.

Косте всего 17 лет, он впервые один, в Москве, он учится и борется за свое существование, пытаясь свести до минимума помощь родителей.

1922 год

1922 год для Константина Беллюстина и его семьи выдался не менее трудным. Он начинается с дороги после рождественских праздников обратно в Москву, с множеством пересадок и трудностей.

С почтой доехал до Турдак, оттуда с мужчиной до Симбухова за 2 минуты до отхода поезда № 81 (смешанный). Пришлось ждать № 19, который пришел в 11 ½ вечера. Я сел на него и думал на Воеводском взять билет, но мне его не дали, говоря, что мое предложение недействительно, потому что оно не от Наркомпроса. Пришлось на тормозе доехать до Рузаевки, а оттуда в ящике для инструментов, находящемся под вагоном. Так я отъехал 190 верст от Рузаевки, где меня ссадили. Пришлось сесть на № 81... Там меня опять ссадили, я сел на товарный поезд.

В условиях Гражданской войны на железных дорогах страны было разрушено много железнодорожных мостов, выведено из строя до 70 % паровозов, 15 тысяч вагонов. Движение дезорганизовано, так как телефонные и телеграфные линии связи были нарушены, аппараты для связи сломаны или украдены. Оттого перемещения из одного города в другой были столь сложными и мучительными. Читая все эти ужасы о путешествии нашего героя, понимаешь, что его смерть от хронического бронхита в 26 лет не была случайной.

Костя беспокоится о том, смогут ли учиться в московских вузах его младший брат Сергей и сестра Рая. Он сообщает:

Президиум Главпрофобра предложил особой комиссии выработать правила приема на осень в связи с тем, что 25 % учащихся будут учиться за плату, по предположениям от 10 до 15 пудов муки по теперешнему курсу.

Но попасть учиться в Москву ни Сергею Всеволодовичу, ни Раисе Всеволодовне не удалось.

Отголоски страшного голода, поразившего прежде всего Поволжье, звучат в письме Кости от 9 февраля родителям:

По дороге в Москву я встретил 2 поезда с американским хлебом, направляющихся в Поволжье. Но эта помощь все-таки недостаточна. Каждый день происходят новые случаи людоедства. В Сасове при мне умирал от голода мальчишка лет семи.

Голод ощущает и сам Константин:

Насчет пайка вести неутешительные, наверно совсем не дадут. Не знаю, как и учиться, может скоро введут плату за обучение. В некоторых учебных заведениях уже ввели, среднее – 500 т. руб. в месяц.

Сообщает Костя и о мерах правительства по борьбе с голодом.

На заседании ВЦИК постановлено: все церковные ценности употребить на обмен на хлеб для голодающих.

Но, несмотря на голод, Костя сообщает о проведении в столице новых советских праздников, в частности о празднике Дня Парижской коммуны, который был нерабочим днем. Для Кости советские праздники пока удивительны и непонятны. Для него по-прежнему главные праздники – православные. Он, как нам кажется, далек от политики, от веры в политические лозунги и воззвания большевиков. Однако к одному из большевистских лидеров он, как ни странно, испытывает симпатию:

Был на демонстрации 8 ноября. Проходил в процессии по Красной площади в 2 сажнях мимо Троцкого, Каменева и их свиты. Особенно запечатлелась мне фигура Троцкого. Мужественное, очень твердое выражение лица. Был он в форме командного состава Красной Армии. В общем, он мне очень понравился. По крайней мере видно, что это не какой-нибудь размазня.

Быт Кости остается по-прежнему очень тяжелым.

За март нам дадут по 16 фунтов муки еще по старой «разверстке», а за апрель, конечно, если когда-нибудь дадут, то считаясь со стипендиями. Я уже не думаю о том, чтобы получить стипендию, а только бы не сняли с пайка.

Все-таки удача улыбнулась Косте:

Можете поздравить меня с неожиданным., но чрезвычайно приятным событием: я попал по распределению стипендий в первую категорию. Это тем более приятно, что всем остальным разрядам предлагается только платить, а не получать. Нам же обещают и паек и деньги, неизвестно только как это будет исполняться. На мне видно, что не только коммунисты могут попасть на стипендию.

Нет сомнений, что только успехи в учебе, уважение преподавателей сыграли роль в получении Костей стипендии первой категории. Он удивлен и обрадован тем, что можно получить стипендию, не будучи комсомольцем или коммунистом. И все же, несмотря на тяжесть быта, голод и необеспеченность, у него даже в мыслях нет намерения вступить в комсомол или партию. Ни брат Кости, ни сестра, собирающиеся также поступать в институт, не вступают в комсомол, а между тем Костя пишет о правилах поступления в вузы:

В первую очередь принимаются без экзамена кончившие рабочие факультеты. Оставшиеся места будут распределены так: имеющие командировки от Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Партии 25 %, от Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 55 %, Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Социалистической Молодежи 5 %, Народных Комиссариатов 5 %, Революционного Военного Совета Республики и Политического управления Республики 5 % и «Нацмен» – 5 %. Что под «Нацмен» подразумевается – не знаю.

Понятие о «национальных меньшинствах» в советской России только начинает формироваться, и поэтому вызывает недоумение: что это такое?

К счастью, Косте повезло и летом ему удалось получить работу как практиканту. Получил он и паек и, по письмам, вполне доволен жизнью. В конце лета ему даже удалось съездить к родным в гости, и он был рад. В отличие от описаний путешествий к родным в более ранних письмах, последнее путешествие прошло более удачно. Он сообщает родителям, что в среднем жизнь в день ему обходится в 4–4,5 млн рублей, это если он экономит и получает кое-какие продукты из дома. Да и сам он многое умеет. В одном из писем он сообщает родителям, что подшивает сам валенки.

В декабре Костю все-таки лишили стипендии. Успокаивая родителей тем, что ни в чем сейчас не нуждается, он как бы между прочим пишет:

Единственным минусом пока является то, что буду получать только паек, а с денежной стипендии меня сняли.

Несмотря ни на что Костя добросовестно и с интересом учится:

Много времени отнимает проектирование, – сообщает он отцу в Нижний Новгород, – сейчас я работаю по 2 проектам: трамвайная загородная станция и баня, при чем в последнем проекте главное внимание обращается на конструкцию. Очень сильно вредит отсутствие чертежной доски, рейшины, треугольников и порядочной готовальни. Много денег приходится также тратить на бумагу: лист ватмана стоит 8 миллионов рублей.

В последнем письме Константина, датированном 17 декабря, он пишет матери в Лемдэй, что не приедет на Рождество, так как имеется возможность заработать «около 100 миллионов рублей».

1923 год

С 1923 года Москва и Костя начинают жить лучше и увереннее. Теперь он живет в общежитии и очень доволен.

В общежитии у нас тепло, с часу дня до 12 ночи топится плита, кипятят куб, – сообщает он отцу в Нижний. – Наверно это так будет всё время, потому что торфу сейчас около 5000 пудов.

Но голод в России не отступил.

Получаю обед от католической миссии помощи голодающим Р.С.Ф.С.Р., – сообщает он в том же письме. – Обед хороший: 5 раз в неделю рисовая каша с сахаром и 2 раза какао. И каждый день по ½ фунта белого хлеба. Подкрепиться этим обедом можно довольно хорошо. Это будет до 1 мая (21 февраля 1923 года).

Доволен Костя и тем, что «из МОНО в общежитие пришли волосяные матрацы, досталось и мне. Теперь сплю на мягком».

На лето Константину «по счастливой случайности» удалось устроиться «в дорожном Отделе Моск. Коммунальн. Хоз. на должность техника-практиканта с окладом не меньшим 1 миллиарда».

В письмах Константина 1923 года упоминается борьба власти с церковью. «Сейчас вернулся из церкви, где служил патриарх Тихон, – пишет он 18 июля, – как отражается у вас раскол церкви?» К сожалению, своего отношения к расколу церкви Костя прямо не выра-

жает, как открыто он и не выражает своего отношения к власти, но наверняка это его волнует как человека верующего.

Работа, на которую устроился летом Константин, позволяет ему более или менее покрывать расходы на нужды первой необходимости.

Понемногу покупаю себе из одежды, бумаги, туши, карандашей и т. д. С удовольствием куплю что-нибудь для дома, только не знаю, что нужней.

В письме от 27 июня он также просит родителей не присылать ему денег:

Так как я теперь человек богатый (в месяц получаю 2 миллиарда) и кроме того, мне хочется быть полезным для дома. Пусть Рая обязательно в следующем письме пришлет мерку ноги – я ей куплю туфли.

Более того, он уже может себе позволить расходы на культурный досуг.

Раз ходил в Большой театр. Потом ходил в мелкие театры. Был на сельскохозяйственной выставке. Вы, может быть, даже не знаете о ее существовании, а она была очень интересна.

1924 год

Первое письмо в новом 1924 году Константин начинает с сообщения о смерти Ленина:

В понедельник в 7 часов вечера умер Ленин. Точно не знаю – или от паралича мозга или от паралича дыхательных путей. В среду его привезли в Москву и вечером же мы с организацией ходили посмотреть на него. Лежит он в бывшем Дворянском собрании в Охотном ряду. Его анатомировали, бальзамировали, так что он теперь будет обладать всеми качествами мощей. Выражение лица его очень спокойное, лицо белое, голова совсем лысая (ни одного волоска), борода и усы рыжеваты и подстрижены. Одет очень просто. Тут же видел Крупскую с заплаканными глазами. Это седая дама, с отросшими (отрезанными?) волосами, лицом еще довольно моложавая. Тут же сидела какая то брюнетка – не знаю кто. Не сестра ли Ленина?... Болезнь Троцкого, оказывается, не столько является действительной болезнью, как вызвана расколом в партии, причем Троцкий очутился в меньшинстве и теперь принужден уехать в Крым. Сегодня на собрании у одного оратора проскользнула интересная фраза. Он сказал: как Моисей вывел нас из под ига египтян, так и сейчас Ленин вывел нас из под власти капитализма. Интересно, кто это «мы» (23 января 1924 года).

В письме отцу в Нижний он добавляет: «В субботу будут его хоронить. Придется, наверное, идти на похороны». В этом письме не видно никаких признаков восприятия смерти Ленина как «большого всенародного горя», да и фраза «Придется, наверное, идти» говорит о том, что ему не очень-то хочется в этом участвовать. А вот слова оратора о том, что Ленин вывел народ из-под власти капитализма и как бы тем самым осчастливил, воспринимаются Костей с большим сомнением. Но он следит за начавшейся борьбой в партии и не верит тому, что пишут газеты.

Несмотря на плохое самочувствие, отец Кости Всеволод Константинович продолжает писать методические работы, редактировать написанные ранее, отправляет эти работы в Москву для издания. Решать вопросы издания работ Всеволода Константиновича берется

Костя. Он постоянно сообщает отцу о посещении издательств, вникает в тонкости оплаты рукописей отца и докладывает:

Госиздат, оказывается, большой жулик. У многих авторов в договоре есть пункт, по которому ГИЗ обязуется в течение 5 лет повторять издание не реже, чем через 2 года, у тебя же этот пункт вычеркнут. На следующие издания плата была бы не с номинала, а за печатный лист: за новую рукопись – 80 руб. за 1 печатный лист, за повторное издание при отсутствии переработки – 40 руб. и при переработке 56 руб. В этом же духе перезаключаются сейчас все договора с авторами.

На протяжении всех лет учебы и работы в Москве Константин будет «воевать» за справедливость оплаты работ его отца, но с минимальным успехом.

Беспокоят Костю «чистки», которые проходят в институтах, в результате которых сокращается не только количество студентов, но и сами институты путем их слияния. Костя пишет матери:

Сейчас все расходы урезают чуть не до нуля. В связи с этим предстоит слияние вузов и сокращение числа студентов. Сократить обещают чуть ли не больше половины. Для этого устраивают две чистки: по классовому подбору и академической неуспеваемости. Я как будто бы не вижу опасности ни в той, ни в другой.

Но вскоре появляется серьезное уточнение:

Под именем академической проходит сейчас социальная чистка. Исключить хотят около 25 %. В число их попадут дети «буржуев», священников, статских советников и т. п. Обо мне тоже кое-что знают партийные люди, но они со мной в хороших отношениях и во вторых, в академическом отношении ко мне придраться очень трудно.

В другом письме он просит:

Сейчас у нас идет чистка. Очень хорошо было бы прислать мне удостоверение о том, что папа преподает в ВУЗе. Хотя оно у меня и есть, но оно устарело.

Значит, академическая успеваемость не всегда может помочь остаться в вузе. Социальное происхождение важнее. К счастью, Костя «чистку прошел благополучно, так, как даже и не ожидал».

Впервые в одном из писем в 1924 году Костя открыто высказывается по поводу комсомольских активистов, с которыми живет в общежитии:

Живу вместе с несколькими комсомольцами, публикой вообще говоря, не утруждающей себя и предпочитающей гулять, есть и спать.

1925 год

Первое письмо в 1925 году Костя отправляет с Курского вокзала. Он хочет, чтобы письмо «пошло с сегодняшним же поездом». Причина у него очень уважительная. Ему хочется получить стипендию, но для этого надо, чтобы из дома ему прислали как можно больше справок и удостоверений о работе Всеволода Константиновича, которые создавали бы впечатление, что он ведет большую общественную работу.

Хотелось бы, что бы при чтении удостоверения, – пишет Костя, – получалось впечатление, что папа из Совпартишколы перешел в 2 пехотную школу, причем следует упомянуть

о том, что папа «главрук», что является общественной работой. Да и вообще, чем больше будет об общественной работе, тем лучше. Если не будет неприятно брать удостоверения от комячеек этих школ, то это еще лучше.

Костя понимает, что отец, уже пострадавший за свои взгляды, держится в стороне от всех этих ячеек, но Костя объясняет:

Хорошо было бы если удостоверения вышли довольно внушительными и содержательными. И об общественной работе, если, конечно, последнее не представляется затруднением. Под последней подразумеваются различные совещания, кружки и т. д.; но об роде общественной работы не упоминать.

Эти строчки еще раз дают основание сделать вывод, что для того, чтобы чего-то добиться в новой советской России, нужно, чтобы ты был общественным активистом.

Костя следит и за ходом внутривнутрипартийной борьбы. В конце одного январского письма он делает приписку: «Когда Троцкого спрашивают – как его здоровье – он говорит: я еще не читал сегодняшних газет. И правильно». Последняя фраза Кости – это открытая оценка его отношения к советской власти. Он явно на стороне Троцкого.

В получении стипендии Косте не отказали, но и не дали, а зачислили кандидатом, то есть он ее сможет получить, если кого-то стипендии лишат. Костя уверяет родителей, что такое случается часто. И действительно через некоторое время его зачислили на стипендию. К сожалению, Всеволод Константинович об этом не узнал – он скончался в марте 1925 года.

В письме от 15 апреля Костя сообщает о смерти патриарха Тихона и его похоронах.

В воскресенье хоронили патриарха Тихона. Народу было очень много. К последнему лобзанью шли рядами по 4 человека и хвост был в 3 и ½ версты. Кто теперь будет вместо него играть главную роль?

А в другом письме добавляет:

Тихона отпевали пять часов и большую часть времени молили о том, чтобы ему были прощены невольные прегрешения. Под последним будто бы подразумевается признание советской власти.

Некоторые строчки Костиных писем все-таки выдают его политическую позицию. Отправляя письмо матери через знакомого, он пишет о нем:

Он не особенно придерживается коммунистической точки зрения и поэтому с ним можно посидеть и потолковать.

1927 год

1927 год Костя проводит за написанием диплома и продолжает работать. Здоровье его остается по-прежнему не очень хорошим. Тяготы Гражданской войны, холодная зима 1921/22 учебного года в Москве, путешествия зимой к родителям в Нижний и Вьяс стали причиной хронического бронхита. И болезнь каждый раз возвращалась с новыми более сильными приступами.

Интересно описание Костей посещения спектакля «Дни Турбиных» в Художественном театре:

Пьеса очень хорошая без малейшего налета коммунистических идей. Все белогвардейцы в ней – отличные люди, перешедшие же на сторону красных – отрицательные типы. Публика в театре при пении на сцене «За Царя, за матушку Россию» в некоторой своей части плачет. Не нравится пьеса только галерке. И дня через три после этого был диспут с участием Луначарского на тему об этом спектакле. Выступал также и автор – Булгаков, который в полемике с ругавшими пьесу, говорил, что их политический подход ему совершенно безразличен и его не интересует. В общем, за эти два дня я услышал столько контрреволюционных изречений, что в 1921 году за это надо бы было расстрелять.

Пьеса Булгакова несомненно понравилась Косте: в ней не было «налета коммунистических идей» и правдиво отражались судьбы людей, оказавшихся в круговороте Гражданской войны. И то, что в ходе диспута Костя наслушался столько «контрреволюционных изречений», за которые «в 21 году надо было бы расстрелять», показывает, что он удивлен смелостью автора и его сторонников. Фразу «надо было бы расстрелять» Костя пишет в сослагательном наклонении. Он знает, сколько было расстреляно, его отец также за правду о действиях власти был арестован и мог бы быть расстрелян, но Костя и его родственники в своих мыслях и высказываниях были очень осторожны, и ему удивительно, что нашлось немало зрителей, говоривших на диспуте правду.

В апреле 1927 года Костя успешно защитил свой диплом.

Сегодня – на службе и в Вузе – непрерывно получаю поздравления. Как же – стал настоящим инженером. По этому случаю устраивал целый банкет и стоя выслушивал в сотый раз те же поздравления. Теперь очередь за Раей и Сережей. Авансом поздравляю, – пишет Костя в письме от 7 апреля 1927 года.

Все дети Всеволода Константиновича стремятся к учебе в вузах. В 1927 году в институт должен был поступать Митя, через год и младший Леня. Сережа и Рая вскоре уже должны были закончить обучение в нижегородских институтах.

Чувствуется, из Кости получается хороший инженер. Он описывает матери:

Вчера в воскресенье, был на торжественной закладке нового корпуса Даниловской фабрики, где я сейчас работаю. Были в числе гостей: Куйбышев, Зам. Председателя ВСНХ СССР Серебровский, Председатель Правления Камвольного Треста, Директора Фабрики, Председатели ЦК профсоюзов текстильщиков и строителей и т. д. Между прочим, я имел честь сказать всей этой компании кое-что относительно вентиляции на фабрике, а они – честь слушать меня. При этом и я и они разговором, очевидно, остались довольны.

В 1927 году борьба Сталина с его политическими конкурентами усиливается. Костя сообщает матери:

Слушаю здесь рассказы очевидцев про похождения оппозиции. Оказывается, ее сторонников на самом деле порядочно. На заводе, где работает квартирный хозяин, в комсомольской ячейке оппозиционеров больше половины. Каменев ходит под руку с рабочими по улице. Одним словом, работают (17 ноября 1927 года).

Интересно, что Костя пишет о том, что «оппозиционеров» много, то есть людей недовольных советской властью «на самом деле порядочно».

В начале декабря Костю взяли в армию.

Выдано мне из одежды: шлем, шинель, сапоги, суконные брюки, бумажная рубашка, белье, теплая бумазейная нижняя фуфайка, шерстяные портянки. Белье меняется каждую неделю. Одежда теплая, соломенный тюфяк, две простыни (одна в качестве пододеяльника) полотенце, наволочка, носовые платки. Питание такое: в 8 час. утра – чай с сахаром, 400 гр. белого хлеба. В 12 час. Завтрак – первое мясной суп, второе – тоже мясное (котлеты, тушеное мясо и т. д.). После завтрака сразу чай. В 4 часа обед – тоже из двух блюд, но без чая. В 8 час вечера – чай. После обеда – мертвый час, спать в 11, вставать в 7 час.

Это описание режима дня и питания красноармейца красноречиво говорит о том, что уж в бытовом отношении красноармейцы находились в лучшем положении, чем гражданские служащие. Страшные 1921 и 1922 годы миновали.

Попал Костя в Военно-инженерную школу им. Коминтерна. Служба только на один год, но армия ему не по душе в принципе.

Так, в общем ничего. А с другой стороны, в иные моменты приходится чувствовать себя таким истуканом, что становится несколько обидно: учился, работал и т. д., а в конце концов – положение оловянного солдатика.

Сообщая о военных предметах, которые им преподают, он не без сарказма пишет:

Да не пропустить самое главное и «инженерное» – политподготовка. На нее в течение зимних месяцев потратим 140 часов – время довольно продолжительное.

Характеризуя курсантов, Константин пишет, что из 50 человек его отделения, обучающихся в Военно-Инженерной школе, «75–85% члены ВКП(б) и ВЛКСМ». Но с высшим образованием только пятеро, среди них и Костя. Косте крупно повезло: «В такие условия красноармеец попадает в 0,25 % случаев (на 300 000 человек – 1000)». Но все равно армия угнетает его. «Как-то даже тоскливо писать... Действительно – выбросить год из жизни. Не так обидно еще, потому что живем мы 50 лет» (16 декабря 1927 года). Костя верит, что впереди у него еще большая долгая счастливая жизнь. Никакого чувства гордости от службы в Красной армии у него нет, нет интереса ни к военной подготовке, ни к занятиям по политподготовке.

Всеволод Беллюстин – директор народных училищ Владимирской губернии, 1912-1916

Константин Беллюстин в студенческие годы

Одна из последних фотографий Константина Беллюстина(2-й ряд, 4-й слева) среди рабочих. Г. Карачев Брянской губернии, 1929 или 1930

1928 год

1928 год для Константина – год службы в Красной армии. В одном из писем он описывает лыжную гонку, которая для многих участников чудом не закончилась тяжелой болезнью.

Вернулись с лыжных гонок инвалидами, наверное, $\frac{4}{5}$ группы. Ехать пришлось 25 километров вследствие ошибки контроля. Днем было – 10 и поэтому я поехал в легкой рубашке. Когда светило солнышко – было жарко, весь мой костюм совершенно отсырел. На обратном пути, когда стемнело, мороз усилился до -18, пришлось ехать в тумане по лощине и я начал замерзать. Рубашка, брюки и сапоги превратились в хрустящие при сгибании ледяшки. Случилось это, когда я проехал 23 км, осталось – 2. А, в общем, последствий никаких нет. 90 % же гонщиков отморозили ноги, уши и т. д. и с сегодняшнего дня начинают ходить в амбулаторию.

Хотя Костя и пишет, что для него не было никаких последствий, но при его хроническом бронхите эти последствия скажутся позднее.

Несмотря на то, что в письмах Костя редко пишет о политических событиях, он просит родственников:

Постарайтесь где-нибудь найти журнал «Большевик» – №№ 23–24 за 1927 год и прочитать письма т. Иоффе (застрелившегося осенью) и ответ

т. Ярославского. В них можно почерпнуть данные, характеризующие нравы кое-кого. Кстати, я не помню, писал ли вам о том, что был на похоронах Иоффе и, следовательно, был прямым очевидцем всего, на них происходящего. И в ответе Ярославский, мягко говоря, говорит неточно.

Это очень важная информация. Костя, который не очень-то хотел идти на похороны Ленина, но пошел на похороны т. Иоффе. В найденной нами информации в Интернете говорится, что Иоффе Адольф Абрамович – убежденный сторонник Троцкого – покончил жизнь самоубийством после того, как стало очевидно поражение троцкистов. В предсмертном письме Троцкому он писал: «Я не сомневаюсь, что моя смерть является протестом борца, убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович».

И здесь опять всплывает Троцкий, политические взгляды которого все-таки, видимо, были симпатичны нашему герою. Наверное, Константин Беллюстин следил за политической борьбой в надежде, а вдруг произойдет чудо и к власти придут другие руководители, которые будут проводить другую политику, более демократичную и справедливую. И то, что Ярославский на похоронах говорил неправду, очень задело Костю. Наверное, и его братья Сережа и Митя тоже были согласны с ним. Никто из детей Беллюстиных, даже достигнув ученых степеней, ни в партию, ни в комсомол никогда не вступал, хотя это и вредило их продвижению по служебной лестнице.

В начале апреля Костя поздравляет мать и братьев с праздником Христова Воскресения, а через неделю пишет о собрании на антирелигиозную тему:

Вчера был доклад на антирелигиозную тему; кто то из наших комсомольцев сказал докладчику преподавателю партийных и политических наук в нашей школе, что я не атеист. Под этим впечатлением он и делал доклад, отведя много времени тезису – наука и религия – не совместимы. Я был в наряде и на доклад опоздал часа на 1 1/2; послушал и потом задал несколько вопросов – удовлетворительных ответов не получил. В общем, было интересно; постановили, что если ктонибудь из нас будет хотя бы около церкви – он, тем самым, навлечет позор на Красную Армию. Ответственный секретарь ячейки ВЛКСМ так выявил себя каким то идиотом: сказал, что всем, вообще, надо выбирать: или Красная Армия – или религия. Засмеяли его, бедного.

Десять лет советской власти не переубедили Костю. Никакая антирелигиозная агитация и возможные репрессии не заставили его отступить от веры.

Перед отъездом в летние лагеря Костя участвовал в параде на Красной площади по случаю 1 Мая.

1 Мая надели всё новое, специально выданное на этот день – брюки, рубашки, фуражки, пояса подсумки и т. д., навьючили на себя инструмент (я был с обыкновенной двуручной пилой) скаты и винтовки – в 7.30 с оркестром и в начищенных сапогах двинулись в путь... Выстроились к 9 часам на Красной Площади... Были все военные академии, школы и отдельные части. Особенно сильное впечатление на меня произвели войска особого назначения Г.П.У. Все в хромовых сапогах, металлических шлемах, с карабинами за спиной и маузерами (револьвер, пуля из которого прошьет трех человек сразу) у пояса, – с нерусскими физиономиями (латыши, китайцы и т. д.), все не моложе 25 лет – прошли, как, наверное, раньше ходила гвардия. Шик

и блеск. На них, действительно, можно положиться. Зарежет и сразу же об этом забудет.

Именно войска ГПУ произвели на Костю самое большое впечатление, и его характеристика «зарежет и сразу забудет» была очень точной. В 1937-м, когда начались массовые репрессии, эта гвардия прошедших в 1928 году по Красной площади оказалась готова к тому, о чем писал Костя.

В военной службе для него нашелся еще один плюс.

Неожиданно открылось, что военным людям можно бывать в некоторых театрах по так называемым – путевкам, конечно, бесплатно. Путевки же пишутся здесь же в школе. На прошлой неделе, в силу этого, я был на балете «Красный Мак» в Большом театре и на «Царской невесте» – в Экспериментальном. Вчера слушал «Бориса Годунова» в Большом.

После усердных поисков Костя нашел и снял ½ комнаты за 35 рублей в месяц:

Комната в 4-м этаже очень хорошего дома площадью 6 кв. саж. Из них ширмой огорожено саж. 2, каковы и являются моими апартаментами. Владелица комнаты – пожилая дама (60 лет) хорошего происхождения (раньше вся квартира была ее). Сейчас же комната, давно не ремонтировавшаяся, имеет не совсем презентабельный вид; стоит кровать, маленький столик, мягкий стул. Жить, конечно, будет очень спокойно, мешать заниматься никто не будет.

И дополнительно сообщает о хозяйке, что «у ней, оказывается двоюродный брат отдыхает на Соловках». Эти маленькие характеристики Кости создают точную картину положения людей «из бывших».

Костя по-прежнему любит ходить в театр. Один из последних спектаклей, который он посмотрел в 1928 году, была «Любовь Яровая» в Малом театре. «Играют хорошо, но пьеса понравилась – так себе. Много пересоленного». В этой пьесе главная героиня порывает с мужем только потому, что он оказался на службе не в Красной армии, а в белой. В конце пьесы она его предает, выдавая красноармейцам и обрекая на гибель. Наверное, именно поэтому пьеса не очень понравилась Косте. Для него семья – главное в жизни. Никакие идейные мотивы не могут разорвать связь между мужем и женой. Поэтому Костя считает, что автор «пересолил», выставляя на первое место преданность революции, а нелюбовь.

Подводя итог нашему знакомству с письмами Константина Беллюстина 1921–1928 годов, можно сделать вывод, что советская власть не смогла переделать всех людей, оставшихся в России. Ни учеба в институте, ни работа на советских предприятиях, ни служба в рядах Красной армии, никакие льготы красноармейцам и никакие советские спектакли, газеты и лозунги не заставили его поверить в правоту новой власти и в ее честность и справедливость, в чистоту партийных и комсомольских организаций. В 1918 году ему было 14 лет, в 1928-м – 24. Он уже взрослый, он самостоятельный. Он – инженер, его уважают как человека и как специалиста. Но он не стал «советским человеком». Он стал образованным, думающим, анализирующим, ироничным, уважающим справедливость и честность, верующим в Бога и христианские истины морали и нравственности. И это вызывает уважение. К огромному сожалению, Константин Беллюстин умер 10 января 1931 года. Диагноз: паралич сердца вследствие кровоизлияния в мозг при наличии гнойного бронхита.

Изучив чудом сохранившиеся дневники и письма семейного архива Беллюстиных 1918–1928 годов, мы были поражены, насколько полно они сохранились. Ведь это были годы, когда люди не только не сохраняли, а сознательно уничтожали всякие свидетельства своего прошлого.

В дневниках и письмах семьи Беллюстиных перед нами оживает история России в одно из страшнейших своих десятилетий. Перед нами проходит жизнь семьи и молодого человека из того сословия, которое новая власть хотела бы или уничтожить, или переделать. Его письмам к близким нельзя не верить. Они писались не для истории, но сегодня они открыли нам историю.

Алексей Пойлов, Марина Пойлова **Судьба простой русской женщины XX века**

г. Волгоград, научные руководители С. В. Воротилова, И. И. Пойлова

Наша работа написана на основе разных источников. Это и устные рассказы самой Евдокии Александровны Залипаевой (Стариковой, 1914–1999), которая часто рассказывала детям и внукам о своей трудной жизни. И воспоминания ее дочерей: Тамары, Любви, Татьяны, рассказы ее внучки и нашей мамы, Ирины, и личные документы, семейные фотографии, а также семейные видеофильмы (они сняты внуком Евдокии, Александром в 1995 году). И наконец, недописанные воспоминания нашей героини о своей собственной судьбе.

Для нас особенную ценность представляют воспоминания нашей мамы, Ирины Ивановны. В детстве она много времени проводила со своей бабушкой, которая знала много сказок и песен, любила рассказывать и о своей жизни. Надо сказать, что у мамы с ее бабушкой была какая-то особая связь. Именно мама фактически спасла от гибели семейные фотографии, которые позволили в дальнейшем восстановить некоторые факты нашей семейной истории и биографии самой Евдокии Александровны. Это было в 1988 или 1989 году. В то время Евдокия Александровна жила в небольшом частном доме. Дом был построен еще до Великой Отечественной войны. Семья Залипаевых жила там с 1961 по 1999 год. Собирая сведения о судьбе Евдокии Александровны, мы наведались к этому дому. Он произвел удручающее впечатление: покосившийся забор, заросший участок. Наши родственники помнят его ухоженным и очень уютным, с большим садом.

Во дворе этого дома стоял старый сарай, в который маленьким внукам ходить не позволялось, видимо из-за того, что там хранился колюще-режущий садовый инвентарь. Однажды, когда маме было 15-16 лет, она увидела в приоткрытую дверь стопку старых бумаг. Войдя в сарай, вытащила их. Так в ее руки попали старые семейные фотографии, которые породили целую череду рассказов, о которых речь пойдет ниже. Почему-то они оказались заваленными в старом сарае. Возможно, про них забыли, когда делали ремонт и многие вещи переносили в сарай?

Еще один крайне важный и интересный источник – неоконченные записи Евдокии Александровны, которые были найдены среди вещей, приготовленных ею на случай смерти. Воспоминания прабабушки написаны на семи отдельных листах простой ученической тетради в линейку. Листы от времени немного пожелтели и покрылись сероватыми пятнами. По содержанию они охватывают события с 1914-го (это дата рождения Евдокии Александровны) по 1980-е. Мы предполагаем, что именно в 80-е годы воспоминания и писались.

Приступая к жизнеописанию Евдокии Александровны, мы сделали полную расшифровку ее воспоминаний, но в своей работе приводим не правленный текст, чтобы тот, кто будет его читать, тоже понял, какой на самом деле была наша прабабушка, простая, не получившая образования, много трудившаяся, много страдавшая, но размышляющая над своей судьбой женщина.

Прабабушка всегда говорила, что ее детство прошло в детском доме. Евдокия очень мало училась, можно сказать, вообще не училась, поэтому в ее воспоминаниях много не просто грамматических и синтаксических ошибок, но и слов, которые трудно сразу понять, так как писала она, как слышала, и не всегда понимала, как правильно это записать буквами.

Начало биографии

Отец, мать и дочь жили весело,
но изменчива злая судьба
Надсмеялася над малюткою —
мать в сырую могилу слегла...

(Из детдомовской песни прабабушки)

Евдокия Александровна часто напевала одну песню, которую она узнала в детском доме. В ней говорится о судьбе девочки, погибшей от руки своего отца из-за злой мачехи. Видимо, эта песня пробуждала в ней самые грустные в ее жизни воспоминания. Как уже говорилось, наша мама обнаружила в старом сарае стопку старых бумаг и фотографий. Одна из них привела маму в замешательство. На ней была изображена семья с двумя детьми. Когда она спросила у бабушки о том, кто здесь изображен, та ответила, что здесь ее родители и она сама. Мама очень удивилась: ведь бабушка всегда ей говорила о том, что она детдомовская! Откуда же фотография?

Воспоминания прабабушки начинаются так:

*Биография моей жизни от 4 лет как я стала помнить по рассказу отца
я радьилас казахстанская о-б г петропавлск гдье и умерла мая мате...*

В процессе реконструкции биографии Евдокии мы столкнулись с некоторыми трудностями. Одна из них связана с датой рождения. В документах разных лет стояла дата рождения – 4 апреля 1911 года. Но сама она утверждала, что в детском доме ей «на глазок» возраст прибавили, что на самом деле она родилась в 1914 году. Это косвенно подтверждает найденная нами семейная фотография: на ней Евдокия изображена в возрасте до двух лет, а известно, что ее мама, Прасковья Федоровна, умерла в 1917 году. Уже после смерти Евдокии Александровны, сделав запрос в архив, мама нашла данные о ее действительном рождении. В метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска есть запись о рождении Стариковой Евдокии первого марта 1914 года в Тобольской губернии Ишимского уезда Бугровской волости села Бугровое. Отец – крестьянин Стариков Александр Лукьянович, мать – Старикова Ефросинья Федоровна. Имя матери Евдокии указано неверно. На самом деле ее звали Прасковья. Это подтверждается записью о смерти: в метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска за 1917 год значится, что Старикова Прасковья Федоровна умерла 30 августа.

Мы нашли некоторые сведения о семье отца Евдокии – Старикова Александра. По документам переписи 1897 года в селе Бугровое Соколовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии имеются сведения о составе семьи Стариковых. Мы видим, что старшие Стариковы были неграмотны, а вот уже представители поколения отца Евдокии умели читать. Скорее всего, они получили начальное образование в церковно-приходской школе. Это может свидетельствовать о том, что семья Стариковых была достаточно зажиточной. Обучение, как правило, было платным, да и бедняки старались больше использовать подрастающих сыновей в хозяйстве.

Но вернемся к воспоминаниям Евдокии Александровны:

*...посли смерти матери отец привол нам мачиху а нас асталос сирот
5 чиловек и я адна была систра 4 брата мачиха была молодая нас не
возлюбила издывалас нас тютка ацова систра забрала...*

По воспоминаниям Евдокии известно, что отец ее тяжело заболел тифом, и все думали, что он умрет, поэтому и забрали детей. А тетка, скорее всего, была сестрой матери или двоюродной по отцу, так как родных сестер у Александра не было.

Позже от родных отца выяснится, что Александр Лукьянович Стариков приезжал в Сталинград в 1948 году и искал своих детей. Но фамилия Евдокии была уже Залипаева, а сына Николая не было в живых, поэтому он никого не нашел. О дальней судьбе его ничего неизвестно.

Вернемся вновь к рассказу Евдокии:

*...ето был 21 год голод тьиф вот ана нас хатъела спастъй брата
николая б лъет и мина 4 года а астольных растаирала по дароги вработники
пашли изохлъeba лишбы ни умираета а нас привезла на станцюю кривая музга
гдъе ана прожывала а кнам ана приежсала хоронита мата...*

Мы выяснили, что Кривая Музга – железнодорожная станция в Волгоградской области. С этого момента начался особенно мучительный период в жизни Евдокии и ее братьев:

*...вот сетога и началас наша мучения уния умер муж а асталас доч
падчирница и ана тьотки сказала ты мне нужна а етъи сироты не нужны
куда хош туда и дъивай тутто наша тьотка и задумолас кудаже нас дъиват
назад вистъи уже небыло сила да и кагда забирала вето время атец был
болин тьифом ей было очинс нами трудно и ана низнала что дъелат ест
нечива сама забольела...*

Здесь мы подошли к самому драматическому месту в ее описании: тетка, которая хотела их спасти, в отчаянии пыталась убить своих племянников:

*...и ана нас ришыла здъати в дъед дом нас ни бирот и ана нас ришыла
утопить видном ерикe а была висна уже сели хлеб ана нас подвила керику и
села и мы около ния ана стала братишкy ласкат стала иво вголовки рыца
и вето время привезала фартук на шею а в фартук камин и бросила иво в
воду а я закричала и кинулас бижата...*

Спас Евдокию и ее брата в этот момент счастливый случай:

*...вето времяа мужчина вирхом налошады и несколько лошыдъей гнал
поита всо ето видъел бросилса в воду и достал маево брата развизал камен
аткочал положсы на бугорок и сразу рванулса доганата тьотку и стал
свистъет и махат етаим фартуком и здъес подехала машына ето был
придседатель колхоза он кинулса кнам допросил тьотку тьотка стаяла
и плакола и нас вместеи с тьоткой повизли в город сталинград и нас
апридъилили в дъед приеомник а тьотку в турму вскоре мы забольели
тьифом...*

Как мы выяснили, эпидемия тифа была в Царицыне в 1922 году. Значит, Евдокии в это время было около семи лет. Здесь мы обнаружили некоторую несогласованность в сведениях. Евдокия говорит о том, что ее забрали от отца в четыре года, называет дату события – 1921 год, а по исторической хронологии получается, что она была постарше – шести-семи

лет. Мы думаем, что ее воспоминания неточны, и нам следует ориентироваться на дату 1922 год – год массового заболевания тифом.

После того как тетка умерла, люди, которые занимались их делом, посчитали необходимым объявить детям о ее смерти и посоветовали им «идти в дети» к чужим людям, если им предложат:

...а тьотка умерла подехала машына к больницы где мы лижали и нам открыли гроб наказали говорат вот ваша тьотка умерла таипер увас нет никаво вазможно вас кто вазмот в дьетаи то вы не пиречтаи идаитье...

Нам так и не удалось узнать имени и фамилии этой тетки, оказавшейся перед необходимостью страшного выбора и взявшей на душу грех убийства, и умершей вскоре от тяжелой болезни.

К сожалению, нам не удалось найти и конкретных сведений о детских домах Царицына. Они просто не сохранились: сгорели во время Сталинградской битвы.

Из одного из таких детских домов Евдокию взяли в приемную семью:

...и вот мина вскори взяли из сила безродного я уних до 8 лъет и гора низнала...

Вероятно, это произошло в 1924–1926 годах.

«В людях»

Удивительное совпадение слов: Евдокия – сирота, без рода и попадает в село с таким же названием «Безродное», которое так же не дало ей родного дома. Как удалось выяснить, село Безродное – это современный город Волжский Волгоградской области.

Приемных родителей предположительно звали Григорий и Анна Садчиковы. Так нам сказала старшая дочь Евдокии – Тамара, она помнит и внешность этих людей: Анна – худощавая старушка, а Григорий – невысокий дед с рыжей бородой. Забегая вперед, скажем, что они погибли в 1942 году. Из рассказа Тамары мы знаем, как это произошло: в тот день Григорий был в погребке, Анна, увидев самолеты, спустилась к нему – и тут вражеский снаряд попал как раз в это место.

Первое время в приемной семье Евдокия вспоминала добрыми словами: «...я думала что мне лутшева и нинадо...». Однако она тосковала о брате: «...но стала тосковать за братом каторой асталса в дьедьоме...»

Да и жизнь в приемной семье была не из легких, приходилось много и очень тяжело работать:

...мина стальи заставлята работата чистиета базы ганата скатаину напоела а калодъез был глубокий а видро дьяла мина было очин тьижолое а надо ни мени 30 ведьир воды скотаины было много да и гону дамой а сама ведры воды нису пригону на баз начинаю сено насита а как пакотьаца овцы сколько ягнат всех надо 3 раза кматаерам под пуштаита чтобы они посасальи да апят таскат а пака ани сасуд я из топлу в кухне чтобы им было тьепло да вхату натаскаю дров да кизек а если еста

нимноголишнева время то мата праста учет а как начноца пахота то еду с ацом в полье поганая быков...

Через всю жизнь пронесла Евдокия обиду на приемного отца. Она вспоминала, что когда надо было погонять быков, то ей частенько доставалось кнутом по спине:

...да чтобы побороздье а как чути мимо сразу кнут вдоли спины жельели но и биль атьец...

Обидно было вспоминать, что не жалели ее тогда, когда она разбивала руки и ноги, все равно отправляли на работу:

...бывало ноги все вкров разатрош заноз паналазиет бола нивазможная а ни чиво ни скажал работай стало мне 12 лъет я 5 коров даила руки судоргою свадаило каров подаю проважу к постуху начинаю печ топить абед варита...

Судя по отношению к Евдокии приемных родителей, она им нужна была как работница, а ее не оставляла мысль найти своих родных.

Именно поэтому Евдокия очень обиделась на приемного отца, когда он фактически отказался взять к себе ее брата. Особенно ее обидело то, что он обманул надежды брата, пообещав взять его с собой позже. Она рассказывает об этом так:

...и вот аднаждьи сацом была в польи и он мне признался что ездил в город и видьел маего брата он спрашевал за мина и плакол и говарил что в дъед доме стало очин плохо прасилса чтобы иво взяли куда нибуд в работники атец поабищал иди мол ждъи а я кой что куплю и заеду затабою и абманул низаехл кагда он мне ето рассказал я иво нивзльубила нинавидъила...

Позже Евдокия узнала, что брат ее Николай умер в детском доме от тяжелой болезни.

Возможно, и приемные родители почувствовали, что Евдокия стала испытывать к ним не чувство благодарности, а обиду, и тоже, в свою очередь, еще больше их раздражала. Вскоре произошел случай, после которого Евдокия покинула их:

...и вот скоро малодьба началас и я вовремя малодьбы ганала лошада покругу и ана мина вдарилъа и выбела мне 2 зуба и тирилом наги а атьец подбижал и ничего ни понел спрашывает что случильос а я вкрови и болъи ужасныя а он мина ударил несколько раз уздою...

Оказал помощь Евдокии не отец, а посторонний человек:

...а по саседьцтву мужчина и увидал подскочил налошадъи верхом подхватъл мина да в селасавед и всо рассказал и мина атправили в льенинск и я там 6 месяцев лижсала...

Навещала Евдокию в больнице только приемная мать:

Мама часто ездъила камне а когда я выписалас привизли мина дамой...

Евдокию отделили от родителей и назначили ей опекуна – племянника матери, выделили ей долю, однако Евдокия была вынуждена покинуть село Безродное, которое не стало родным. Не взяла она и причитающуюся ей долю из хозяйства – «я скатъину нивзала и уехала в город с мамаой».

Видимо, этот случай стал последней каплей терпения не только для Евдокии, но и для приемной матери. В городе Евдокия «наналас в нанки к свищенику и я уних жыла 2 года».

По ее словам, ей было тогда 14 лет. Вероятно, произошло это в 1926–1928 годах. Мы попытались установить имя того священника, у которого ей пришлось работать. Однако нам удалось только установить, что к 1931 году в городе Сталинграде осталось 18 священнослужителей. Полного разрыва с приемными родителями все же не произошло. Когда началось раскулачивание, приемная мать обратилась к Евдокии. Она предложила ей выйти замуж, чтобы разделить хозяйство, благодаря чему оно уже не подпадало в разряд кулацких:

...тут мама приехала замною и апата забрала мина и вскоре их стали раскулачивата и ани мина уговарили и чтобы сахранита сваео имения...

Добрая Евдокия согласилась. Так она оказалась замужем за нелюбимым человеком, который был на восемь лет старше ее. Но благодаря этому приемные родители вернулись в свой дом. А Евдокия с мужем возвратились в Сталинград.

Муж Евдокии работал бетонщиком на строящемся знаменитом тракторном заводе. Завод строился в 1928–1929 годах.

Семейная жизнь, однако, не сложилась:

...я иво нильубила он был пняцца да играл в карты и я 2 года прожыла и ушла от ниво устроилас наработу коминдантом вобчижытьмя я проработала 2 года и мина пиривили в сталоваю из сталовой в буфет атут я ушла на часною квартаиру...

Благодаря переезду на квартиру Евдокия познакомилась со своим вторым мужем, с которым она прожила почти всю свою жизнь. Рекомендацию ее будущему мужу составили хозяйка квартиры, которые находились в родстве с ним.

Своя семья

В 1931 году Евдокия вышла замуж за Федора Андреевича Залипаева (1910–1977). У нас сохранилось свидетельство о браке. Интересно, что в свидетельстве о браке с Федором Залипаевым Евдокия записана под той фамилией, которую дали ей в детском доме, значит в первом замужестве она не брала фамилию мужа или брак был не записан официально.

В семейном архиве сохранилась фотография молодой Евдокии. Сделана она, судя по ее возрасту и одежде, в 30-е годы. На этой фотографии она красивая, стройная, нарядно одетая и модно причесанная женщина. Возможно, это был один из самых счастливых периодов в ее жизни.

В воспоминаниях она написала:

...правда 3 года он был искалчитьельной апатом запил и досих пор я харошева нивижу...

Евдокия часто добрым словом вспоминала своего свекра – отца Федора – Андрея Ивановича, который жил в селе Горная Пролейка Дубовского района. Кстати, ее мужа Федора так же воспитывала мачеха, мать его, Марина, умерла в 1917 году, когда ему было семь лет. А с десяти лет он уже работал пастухом. Евдокия рассказывала, что свекра Андрея Ивановича всегда все слушали. Он был добрым и очень любил Евдокию, а она частенько «жаловалась»

ему на мужа, знала, что как скажет отец, так и сделает Федор. Однажды был такой случай в их семье: когда сели все за стол, Федор полез своей ложкой в общий горшок со щами (стоял один горшок на столе и все ели из него). И тут же получил от отца деревянной ложкой по лбу, так как было заведено, что глава семьи, старший в роду, первым пробует пищу.

В браке с Федором Залипаевым до войны у Евдокии родилось пятеро детей: Мария (1933 г. р.), Виктор (1935 г. р.), Тамара (1937 г. р.), сын, имя которого неизвестно (1939–1941), Геннадий (1941 г. р.).

Федор работал на заводе «Красный Октябрь» в мартеновском цехе с 1930 года по 23 августа 1942-го, до той бомбежки, после которой город Сталинград превратился в руины.

У нас сохранилась справка, подтверждающая факт работы Федора Залипаева на заводе «Красный Октябрь». Для семьи эта справка имела большое значение, так как в трудовой книжке этот факт не был зафиксирован. Документ интересен тем, что он по-своему отражает военное время: со слов двух свидетелей, работников завода, Федор смог доказать, где именно с 1930 года по 23 августа 1942-го он работал. А для нашей семьи эта справка еще и фамильный раритет.

Несчастья обрушились на Евдокию в 1941 году. Еще до начала войны она тяжело переболела менингитом, к счастью, поправилась, а тут большая беда – началась Великая Отечественная война:

*...а тут враз вайна я сдьитями сидьела вакопе и хльибнула горья голод
бамбьожка всо гарит...*

Евдокия рассказывала нашей маме, что в начале войны они жили недалеко от Мамаева кургана. Средняя дочь Евдокии, Тамара, которой на тот момент было пять лет, очень хорошо помнит вражеские налеты, как вокруг все горело и громыхало.

Евдокия спасала детей, как могла. Она смогла перебраться из района Мамаев курган в район поселка Городище:

*...я здьитми ушла вгородьище и там нашла завалеоной акоп раскопала
в глуп и натаскала саломы...*

От голодной смерти в этот момент спасла умершая лошадь:

*...нипадальоку вальалас дохлая лошад я иео разрубилла какойто
жылезкой и по кускам пиринесла какопе и вот етаим я спаслас...*

Евдокия рассказывала детям о том, что Федор был ранен в бедро, и она его прятала от немцев в картошке, в землянке. Находились они в это время в Городище.

Любой день в это время мог стать последним. Евдокия Александровна рассказывала, как однажды немецкий солдат стал избивать ее, но это увидел офицер, дал солдату пощечину. А ей дал хлеба.

Но даже когда Сталинградская битва закончилась победой Советской армии, испытания еще долго продолжались. Выжить в условиях разрушенного города было нелегко.

Сначала Евдокия устроилась работать в госпиталь:

*...а когда зашли наши я устроилас в госпытала где получала хлеба 200
грам и вот так и сохранилас в горадаи сталинградьи...*

Нам удалось установить, что действительно с августа 1942 по январь 1943 года поселок Городище находился в оккупации. Когда Советская армия заняла эту территорию, там расположились полевые госпитали № 4949 и 3952.

Потом семья эвакуировалась в Днепропетровск: «...а потом выкуировалас в днепропетровск...»

Нам не удалось выяснить, почему Евдокия с детьми уехала из освобожденного Сталинграда именно в ту область, где шли еще бои. Возможно, в почти полностью разрушенном городе очень трудно было прокормить семью, а там была надежда на более щедрую на урожай землю? Есть еще одна версия. Возможно, Залипаевы были командированы туда. Как известно, что с 1943 по февраль 1944 года шла ожесточенная борьба за Днепр. По окончании этой битвы были необходимы огромные усилия для восстановления народного хозяйства Днепропетровской области, и фашистские оккупанты направляли туда людей из освобожденных районов.

Как бы то ни было, поехала Евдокия с детьми сначала одна. У Федора трудовая книжка начинается с записи: «II Дистанция службы пути / ст. Божедаровка – Сталинградской Ж. Д. № 1: 1943 г. XII. 15 – Принят ремонтно рабочим 2 околотка II Дистанции сл^кужбы» пути». И только в 1946 году идет другая запись: «№ 2: 1946 г. IX. 15 – Переведен в распоряжения сталинградской дистанции сл. пути в связи с выездом». Это значит, что с декабря 1943 по сентябрь 1946-го Федор должен был находиться в Сталинграде.

Евдокия поехала на Украину уже беременной, и в селе Сорокопановка Днепропетровской области в 1944 году в семье Залипаевых родился сын Владимир.

Там же умерла старшая дочь Мария, которой в то время было 13 лет. Со слов Евдокии Александровны, Мария умерла от солнечного удара, работая в огороде.

Евдокия работала в парнике: «...я работала на парниках уйду рано и приду поздно...»

Семья жила очень тяжело, зарплаты, чтобы прокормить детей, не хватало, приходилось просить подаяние:

...иду дамой и вкаждаю хату стучус прашу милостину кой чиво мне дадут я рада скорей вару да кармльу сваих дьитаей сгод мучилас апатом стальи давата паеок...

Трудная жизнь, видимо, спровоцировала тяжелые запои Федора: «...мой муж пита как стал замною гоната бита я ришыла чтонибуд над сабою здьелат...»

Евдокия решила вернуться в Сталинград. Там Федор работал в мартеновском цехе на заводе «Красный Октябрь». Детей удалось устроить в детский сад.

В 1947 году Залипаевы вновь переезжают: «...мужа назначают накафказ...»

Из трудовой книжки Федора известно, что с марта по июль 1947 года он работал на железной дороге на Кавказе: «1947. III. 1 – Переведен на Северо-Кавказскую жел^кезную» дор^когу».

В то время Евдокия тяжело заболела. «... я астаюса спитьоркой и все малыя забальела и пападаю в больницу... я лижу 10 месяцев без выхода худая пухлая...»

Как рассказывала сама Евдокия, когда она заболела тифом, а было это не в Сталинграде, а на Кавказе, ее младшему сыну не было и года. Дочь Тамара, ей было в то время десять лет, вспоминает, как сидела с маленьким больным братом и другими детьми на земле, просили у прохожих поесть (ведь мать лежала в тяжелом состоянии в больнице) и у нее забрали этого ребенка какие-то люди, сказали, что в больницу. Когда Евдокия пришла в себя, ей сказали, что ее сын умер и дали какую-то справку. На самом деле его забрали бездетные супруги-врачи по фамилии Терновы. Они назвали его новым именем – Виктор.

Через несколько лет, при оформлении каких-то документов выяснилось, что справка поддельная и Евдокии грозит тюрьма. Она поехала в ту больницу, где был ее сын. Одна из санитарок узнала Евдокию и рассказала о том, кто забрал ее сына. Приемные родители уговорили ее не забирать у них ребенка, тем более что прошло несколько лет и он не помнит свою настоящую мать. Врачи жили очень обеспеченно и любили ребенка. А так как семья Евдокии находилась в большой нужде, было много детей, то она согласилась оставить сына в этой семье. Ей дали официальную бумагу, что ребенок жив и был усыновлен.

Но на этом эта история не закончилась. Через несколько лет однажды летом к ним в дом приехал молодой человек в военной форме и сказал, что он их сын. Виктор Терновой однажды узнал всю правду о своем рождении и из армии в отпуск приехал к своим настоящим родителям. Потом он не раз приезжал к ним со своим сыном. У нас хранятся фотографии, сделанные во время его приездов.

Вернемся в 1947 год. Этот год принес Евдокии большие переживания. Муж в трудное для нее время не стал ей опорой:

...а муженок разгульивает вышла из больницы на работу ниберут вса как скльанка пухлая силы нет вот и ришыла я завирбоваца на хлебоуборку станция филонова...

В это время ей пришлось заниматься поиском своих детей, которые были определены в разные места, пока она болела. Именно на Кавказе, в Минеральных Водах, она потеряла сына, а остальные дети находились в детдоме. Известно, что она их нашла и сама уже определила их судьбу:

...нашла дваих дьитьей и апридиллила в дьед дом а садною дочерю [с Тамарой] уехала и вот тамто я направиас и заработала много хлеба я привезла в город прадала...

В примирении Евдокии и Федора участвовал председатель колхоза, при котором она трудилась:

...вадно прикрасноя время мина вызывает председатъел я еду в провльения а сердца балит думаю чтоже он мне скажет а он мне и говорит слушай маладушка а если бы вирнулса твой муж ты бы принела его ведь всо же утаибя он сколь дьитьей я гавару нет он мне много здьелал подлостаи и боль как сабаку безжалостаи но он стал мина уговариват я мол вам дам квартиру и вабиду недам но муж долго ни смог там жыта уехали апат в сталинград...

Примирение состоялось, и 5 апреля 1948 года родилась наша будущая родная бабушка, Любовь. А в 1950 году появилась на свет самая младшая дочь Евдокии и Федора – Татьяна.

Федор стал работать на железной дороге. В трудовой книжке мы прочли запись: «1948 г. – Дистанция пути ст. Сарепта IV. 1 – Назначен на должность путевого обходчика».

В Сталинграде Евдокия, наконец, собрала всех своих пятерых детей. Здесь она стала работать на железной дороге. Из трудовой книжки известно, что она начала работать на Сарептской железной дороге: с 7 декабря 1949 года по 6 июля 1951-го шлакоуборщицей, а с 7 февраля 1956-го по 31 октября 1958-го – принята «на 1 окол. на должность дежурной по поезду».

*Трудно было сима большая нада накормит надо абута адыета о боже
а муж неот да дыроца...*

В семье Федора Андреевича и Евдокии Александровны родилось девять детей, шесть из них они вырастили и воспитали до взрослого возраста. В апреле 1952 года Евдокия Александровна была награждена медалью Материнства 1-й степени (удостоверение № 367758). Эта медаль и сейчас хранится в нашей семье.

Оставшись сиротой в раннем детстве, Евдокия стала очень хорошей матерью. В самые тяжкие времена она как могла оберегала своих детей, старалась растить их вместе, помогала и тогда, когда они стали взрослыми, когда они сами обзавелись своими семьями. Она стала очень хорошей бабушкой.

Большие заботы о взрослых детях и маленьких внуках

Возможно, из-за недостаточных материальных средств в семье или из-за других причин дети в семье Залипаевых не смогли получить высшее и среднее специальное образование. Только Виктор Терновой, который воспитывался в другой семье, получил высшее юридическое образование.

Любовь, наша родная бабушка родилась после войны, в 1948 году. Казалось бы, ее судьба должна бы складываться легче и счастливее. Однако и ей выпали испытания. С детства она росла болезненным ребенком. В 14 лет заболела бронхиальной астмой. Работала санитаркой в больнице, проводником на железной дороге. Болезнь не давала ей полноценно работать, так как она месяцами лежала в больницах. Поэтому Евдокии Александровне приходилось брать на себя заботу о дочери и ее детях. А ее внучка, наша мама, Ирина, окончила в 2003 году педагогический университет, сейчас работает в библиотеке ВолГУ. Замуж она вышла в 1992 году за Пойлова Николая (1969 г. р.). В нашей семье трое детей: Алексей (1993 г. р.), Марина (1995 г. р.) и Андрей (2007 г. р.).

Подарок судьбы

Евдокия, будучи ребенком, страстно мечтала найти хоть кого-нибудь из родных:

*...я надъеелас разыската аца раднова бывало падружки играют
наульицы а я забюса в катух... и... риву... я мальбус всу абедну стаю
накольевах и всо прашу господьи памаги мне найтьи радных хатьабы
кавонибут...*

Ее желание сбылось самым неожиданным образом в 1966 году.

В этом году Евдокия Александровна с дочерью Татьяной поехала в гости к семье сына Геннадия, который временно работал и жил в Новосибирской области. Когда они сошли на

перроне станции Барабинск, ее неожиданно окликнул мужчина: «Старикова? Дуся?» Оказалось, что это был ее дядя, Петр Лукьянович Стариков, который жил в этом городе.

Поражает этот случай тем, что, несмотря на прошедшие годы (более 40 лет!!!), (дядя видел Евдокию, когда ей было три-четыре года!!!), Петр Лукьянович узнал ее. Может быть, в этой истории проявилось то, что называют «зовом крови»? Или, скорее всего, то, что Евдокия была очень похожа на отца?

Петр рассказал Евдокии, что Александр, ее покойный отец, всю жизнь искал детей, но не нашел. Петр и передал Евдокии фотографии ее отца и матери. Так, Евдокия обрела наконец-то своих родственников: дядю и двоюродных сестер.

О судьбе своего отца Евдокия от Петра узнала немного. Связь с ним наши сибирские родственники потеряли еще до 1950 года. Когда и где умер Александр, мы не знаем.

Позже сибирские родственники не раз бывали в гостях у Залипаевых. Приезжали дети ее сестер, племянники Евдокии. Наша мама также ездила к ним в гости. Родственные связи поддерживаются и в настоящее время.

Уход

Последние строки воспоминаний Евдокии Александровны особенно печальны:

...и вот вродеи всех дьитьей апридьильила асталис двоя чтобы нам надо и всоравно нет пакою пеот абзывает... я сума схажу боже скажы мне когда кончаца маи мучения дарагия читьательли вы мина не асуждайтье если что самною случица я устала жыта я устала мучеца и душевноря бальезин хочит пакою гдье конец маей муки сколько я тиринесла гарела умирала танула тьежело бальела и всо баролас а сичас аслабла всо науме только пакончит сабою гасподь не допускает о боже скажи мне гдье и сколько я буду мучеца послыи смерти мужа [Федор умер в 1977 году] я асталас с ридьи дьитьей я надьеелас на них но вскоре пагип старшей сын... [Виктор умер в 1979-м] ...вскоре я забальела галавною болью но маео счастье я ни папала в лажки [в Ложках находится психиатрическая клиника] и вот сичас думаю какое горе и боль я всо тиринашу и прадалжаю писата...

На этих строках записи нашей прабабушки обрываются, видимо, она больше не писала. Во всяком случае, нам не удалось найти продолжения. Из этих записей понятно, что Евдокия Александровна чувствовала себя обделенной. Она очень обижалась на своего мужа, хотя прожила с ним 46 лет и смерть его горько оплакивала. Она пережила мужа на 22 года. Приходя на его могилу, всегда плакала...

Надо сказать, что дети Евдокии, прочитав записи своей матери, удивлялись, что она так горько писала о своей жизни с мужем. Они помнили отца порядочным, трудолюбивым, довольно уравновешенным человеком. Им казалось, что пристрастие Федора к алкоголю не было таким уж сильным. Более того, они были убеждены, что на самом деле не Федор, а Евдокия была главой семьи, Федор с ней считался. И только время от времени, приняв лишнего на праздниках, он действительно мог стукнуть кулаком по столу и обрушиться в гнев на жену. Вот эти моменты, видимо, не могла простить Евдокия своему мужу. Не могла забыть и его поведения по отношению к семье, когда она тяжело болела, а он не считал

нужным или не смог сохранить всех детей вместе. Возможно, дети и не знали всех обид, которые носила в своей душе Евдокия. Наверно, она намеренно не посвящала детей во все трудности и обиды. Прощала мужу все, чтобы дети жили в семье. Как и любая мать, она, конечно, хотела, чтобы дети были счастливы. К сожалению, и это, возможно, было связано с не очень гладкими отношениями между родителями, дети Евдокии трудно устраивали свои семьи. Многие были женаты дважды, многие в какой-то момент решали жить врозь...

И все же были в жизни нашей прабабушки счастливые минуты. Бабушка Дуся, так называли ее внуки, была очень доброй, ласковой. Любила вязать и всегда одаривала детей и внуков красивыми варежками и носками. Долгими зимними вечерами она пряла на прялке и рассказывала внукам сказки. Каждый год в праздник Рождества Евдокия Александровна всегда ждала гостей-славильщиков, любила слушать и от внуков стихи и песню, которую от нее они и знали. Было у внуков и любимое лакомство от бабушки – фруктовая пастила, которую каждое лето делала Евдокия.

В семейном архиве сохранилось много фотографий семьи Федора и Евдокии Залипаевых, и везде мы видим Евдокию с мужем рядом, несмотря на описанные ею семейные неурядицы. Много фотографий, на которых Евдокия Александровна запечатлена с внуками и правнуками.

В последние годы жизни жила по очереди то у одной, то у другой дочери. Последние дни перед больницей Евдокия жила в нашей семье. Евдокия Александровна умерла 22 июля 1999 года.

В настоящее время у нас есть сведения о 54 потомках Евдокии и Федора Залипаевых. Это 3 дочери, 13 внуков, 32 правнука, 6 праправнуков.

Евдокия Александровна прожила долгую и очень трудную жизнь. Какие только испытания ни выпадали на ее долю! И раннее сиротство, и детский дом, и потеря всех родных братьев, и попытка убийства, совершенная родным человеком, теткой. И надежда обрести новую семью, и горькое разочарование. И первое замужество не по любви. И второе – тоже не слишком счастливое замужество. И страшные испытания военных лет. И похороны детей... И огромные материальные трудности, когда семья находилась на краю голодной смерти. И, как прочли мы в воспоминаниях, ей было порой так тяжело, что хотела и руки на себя наложить. Но все-таки все выдержала, все перенесла. Пережила мужа. Пережила троих детей и нескольких внуков.

Мы все благодарны своей прабабушке, что она выжила сама и сохранила жизнь большинству своих детей. Даже само выживание в условиях, в которых она жила – большая заслуга. Сохранив жизнь своих детей, она тем самым дала шанс на жизнь всем своим многочисленным потомкам. Прочитав внимательно ее записи, мы поняли, что ее натура была глубже и ранимее, чем думали окружающие. Когда она писала эти воспоминания? Судя по событиям, упоминаемым в них, – после 1980 года, судя по разным чернилам – не в один присест. Для кого писала она о своей жизни? Для себя или для нас? Для того, чтобы мы помнили ее? Для того, чтобы мы прониклись сочувствием? Ведь эти листочки были сложены с вещами, которые она приготовила на свои похороны. Значит, она хотела, чтобы мы нашли эти записи после ее ухода. А может быть, эти записи были сделаны для себя? Для того, чтобы освободиться от горьких воспоминаний? Простить, наконец, мужа? Примириться со своей судьбой?

Как бы то ни было мы благодарны нашей прабабушке Евдокии Александровне за все: и за воспоминания, и за саму жизнь.

Анастасия Заварзина
«А дух славянский жив и будет
жить вовеки, ибо с нами Бог наш»
Судьба семьи Семиз на фоне российской
истории 30-60-х годов XX века

г. Владимир, научный руководитель В. С. Бузыкова

Моя работа посвящена замечательной женщине – Милене Душановне Семиз, а также ее матери Наталье Дмитриевне Семиз, в девичестве Роговой.

В музее нашей гимназии хранится большой архив учительницы математики нашей школы Нины Александровны Мясоедовой. Она скончалась в 1942 году и была похоронена на Князь-Владимирском кладбище на семейном захоронении Мясоедовых. Последним здесь стало захоронение Романа Дмитриевича Рогова, мужа Ольги – родной сестры Нины Александровны. Он умер в 1964 году. Его дочь Ирина Романовна Рогова передала в наш музей весь архив своей семьи: семьи Мясоедовых по материнской линии и Роговых-Семиз по линии отца.

Большую часть этого архива составляют фотографии, записные книжки, личные документы Романа Дмитриевича 30-50-х годов, открытки и письма родственников. Самое большое количество писем было написано Роману Дмитриевичу сестрой Натальей Дмитриевной Семиз (в девичестве Роговой) и ее дочерью Милой Семиз. Нашлось множество фотографий Константина, сына Романа Дмитриевича от первого брака. На одной из них он был изображен с маленьким мальчиком, и на обратной стороне была надпись: «Тягька и Митька. 1956 год». Значит, внука Р. Д. Рогова звали Дмитрий Константинович Рогов.

И мы решили попробовать разыскать его через Интернет. Признаюсь, в глубине души ни Вера Сергеевна Бузыкова (руководитель нашего музея), ни я не надеялись, что из этой попытки что-нибудь получится. А ждала нас сенсация! Набрав имя Дмитрия Рогова, на экране компьютера крупными буквами появилось имя Анны Андреевны Ахматовой! Зайдя на сайт, я увидела интервью филолога В. Д. Дувакина с Миленой Душановной Семиз о ее встречах с Анной Андреевной. Милена и ее мать Наталья Дмитриевна познакомились с ней в 1938 году. Сын А. А. Ахматовой Лев Николаевич Гумилев сидел в печально известных «Крестах» вместе с отцом Милены Душаном Ивановичем Семизом. В опубликованном интервью В. Д. Дувакин сообщал, что в предисловии к своей поэме «Реквием» Анна Андреевна пишет о женщине, которая стояла вместе с ней в многочасовой очереди в тюрьму и тихо спросила ее, сможет ли она описать происходящее вот здесь. И Анна Ахматова ответила: «Могу». Этой женщиной была Наталья Дмитриевна Семиз, «урожденная Рогова: 1882–1965, врач». На сайте также сообщалось, что подробнее о Душане Семизе можно узнать из статьи Д. К. Рогова «Из истории одной российской семьи», опубликованной в 6-м выпуске «Опочининских чтений» (Мышкин, 1998). Все совпадало: Семиз, Мила, Душан, Мышкин, Д. К. Рогов!

Дальнейшее исследование показало, что у нас в музее хранятся более 20 писем людей, которых хорошо знали, уважали, любили, ценили многие выдающиеся представители науки и культуры России. Милена Семиз, работая в Эрмитаже, дружила с его директорами И. А. Орбели и Б. Б. Пиотровским, переводчиком М. Л. Лозинским.

Жизнь Милены Душановны, ее отца Душана Семиза, талантливого журналиста и писателя, матери Натальи Дмитриевны, одной из первых в России женщин-хирургов, предстала передо мной в наиболее острые периоды истории России XX века. Душан Иванович Семиз (1884–1955) оказался в России в конце XIX века. Он был выслан подростком из родной Сербии за скандал с наследным принцем, перед которым, по семейному преданию, похвастался древностью своего рода. После окончания Полтавской духовной семинарии поступил на юридический факультет Петербургского университета.

В 1938 году жену и детей Д. И. Семиза определили к высылке из Ленинграда как семью репрессированного. Но благодаря ходатайству известной актрисы Александринского театра Е. А. Корчагиной-Александровской, бывшей тогда районным депутатом, и директора Эрмитажа И. А. Орбели, высылка была отменена.

В Петербурге-Ленинграде Душан Иванович опубликовал много статей и книг по истории и культуре южных славян, об исторических путях России и Сербии. Его работы публиковались как на русском, так и на сербском языке.

В годы первой мировой войны Д. И. Семиз был военным корреспондентом, вел ежедневные записи об увиденном. Фотографии различных военных эпизодов, сохранившиеся в архиве, представляют большой исторический интерес.

Сегодня архив Д. И. Семиза находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 470). После смерти Милены Душановны ее архивные материалы вошли в фонд отца.

В блокадном Ленинграде

Одно из ранних писем Роману Дмитриевичу Рогову от Милены датировано 28 июня 1942 года. Она пишет ему уже из Мышкина после выезда с матерью, сестрой Р. Д. Рогова, из блокадного Ленинграда:

Милый, родной дядя Рома. Очень давно хотела написать тебе и вот когда собралась. О том, что позади, ты уже знаешь со слов очевидцев. Скажу тебе одно, и не вывези я ее, она бы умерла... Конечно, жалко брошенного дома в Ленинграде, а главное книг, не надо их было увозить от тебя. Ну, да что делать. Люди гибнут... а мы потом как-нибудь нарботаем себе и своим родителям.

Это письмо – единственное, где Милена упоминает о своем пребывании с Натальей Дмитриевной в блокадном Ленинграде. Из него невозможно узнать никаких фактов, никаких эпизодов их жизни в эти страшные месяцы зимы 1941/42 года. И мне казалось, что узнать больше, чем написано об этом в письме, нереально. Как я ошибалась! Нет, имя Милены сохранилось в нескольких дневниках блокадников, работавших вместе с ней в Эрмитаже и которые продолжали с ней переписку после ее отъезда из города.

В Интернете имя Милены Душановны я встретила в потрясающих дневниках Александра Николаевича Болдырева и Игоря Михайловича Дьяконова, молодых тогда сотрудников Эрмитажа, ставших впоследствии крупными специалистами-востоковедами, докторами наук, профессорами, авторами огромного количества научных трудов.

В своих дневниковых записях Игорь Михайлович Дьяконов пишет о том, как они с Миленой Семиз участвовали в эвакуации сокровищ Ленинграда в начале войны:

Прибытие и отбытие машин шло потоком ко всем подъездам. Мы с Миленой Душановной Семиз стояли на Иорданском подъезде. Нашей

обязанностью было записывать номера ящиков, грузившихся на каждую машину, и получать в нашей описи расписку военного, сопровождавшего груз: – Сопровождающий, расписаться! Мы сдавали ящик за ящиком, которые провлакивали по доскам на крыльцо, и затем выходили к машине за распиской. Эта деятельность продолжалась три дня из недели, занятой эвакуацией. В последнюю ночь я спал полчаса – машины шли круглосуточно – я так устал, что еще год спустя несколько раз просыпался ночью от своего голоса: «Сопровождающий, расписаться!» В последний вечер эвакуации, когда уехала последняя машина и увезла последний ящик, мы с Миленой Душановной поднялись наверх и прошли по залам. Всюду, километр за километром, висели пустые рамы и багеты, валялась стружка, как будто кто-то дорогой выехал из квартиры; и мы расплакались от усталости и опустошенности. Было, кажется, 1 июля.

Чуть ниже он описывает царившую в городе обстановку:

Между тем, всюду обсуждался вопрос о том, удержится ли само советское правительство. Как-то я говорил у Малого подъезда Эрмитажа с нашей эрмитажной античницей, Александрой Ильиничной Воцининой, и подошла ее мать. Когда заговорили об этом вопросе, я сказал, что речь идет не о власти, а о существовании России. Мать Александры Ильиничны очень взволновалась и сказала:

– Спасибо, молодой человек, что вы вспомнили о России. При мне к Милице Эдвиновне подошла Милена Душановна Семиз и сказала:

– Что происходит, разве нас так учили! Милица ответила ей:

– Сталина сейчас тоже очень тяжело!

Милена прямо сказала, что она хотела на Сталина.

Конечно, И. М. Дьяконов не стал цитировать дословно высказывание Милены Душановны о Сталине, но понятно и без этого, что оно было крайне отрицательным.

Исключительно ценную информацию о Милене Душановне и Наталье Дмитриевне Семиз я нашла в Интернете, набрав для поиска имя Натальи Дмитриевны. К моему великому счастью в Сети я обнаружила интереснейшую, в полном смысле уникальную публикацию дневников бывшей сотрудницы Эрмитажа Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец, которая в годы войны работала учительницей в школе, но поддерживала тесный контакт с работниками музея. Среди ее близких знакомых оказались Милена и Наталья Дмитриевна Семиз. Публикация называлась «Город-фронт на Неве» и рассказывала о страшнейших днях блокадного Ленинграда. Вот некоторые отрывки, связанные с именами моих героев:

Боря Пиотровский заболел и лежит у Н. Д. Флиттнер. Сильно похудевшая Н. Д. кормит четырех кошек. Его пришла навестить Н. П. Кипарисова и потом рассказала обо всем увиденном И. А. Орбели, который, говорят, рвал и метал, и кричал, что отнимет 1-ю категорию у человека, который ее тратит на кошек. Милена возмущена. Свою кошку они тоже кормят и людей расценивают как людоедов, если они едят кошек.

Я боюсь осуждать такие поступки жителей блокадного Ленинграда, но моя симпатия сегодня все-таки на стороне Милены и Бориса Борисовича Пиотровского, которые испытание голодом делили вместе со своими домашними животными.

В другом месте дневников Ксения Владимировна пишет:

С шумом меня окружает семейство Семиз. Они – старожилы и поклонники этого убежища, они многое перепробовали: Кронверкский особенно пострадал и при бомбежках, и при обстреле. Они перебрались

оттуда в сентябре ко мне. Но когда к нам попал снаряд, они удалились обратно к себе. Во время тревог уходили в щели, захватив с собой лопату для откапывания (на случай, если рухнут подпорки в щели). Милена рассказала мне, что недавно лежала на улице под обстрелом, и снаряд разорвался совсем рядом, но она осталась цела. Дом их на Кронверкском опять пострадал, и Орбели дал им пустующую квартиру сослуживца. Но на ночь они забираются в убежище.

Это очень важная информация, дающая яркую картину жизни блокадного Ленинграда, когда люди ежедневно и почти ежечасно подвергались смертельному риску. Две хрупкие беззащитные женщины мечутся по городу в поисках безопасного угла. Сегодня это воспринимается как фильм ужасов.

Я читала дневники Ксении Владимировны и с трудом могла поверить в реальность описываемых событий. О жизни в бомбоубежище сотрудников Эрмитажа она пишет:

Первым из моих знакомых здесь умер Вальтер. Он умер в помещении охраны скоропечно. Перед этим его подняли на улице с тяжелым чемоданом. Он надрывал себя, стремясь весь скарб сосредоточить в Эрмитаже. Сюда, в убежище, пришел умирать Юрий Подгаецкий. Он и его жена все отдавали ребенку. Окончательно себя доконал, когда хоронил брата, непомерно израсходовав хлеб и свои физические силы. Он пришел в Эрмитаж обессиленным. Утром товарищи заметили, что он в полусознательном состоянии и не отвечает на вопросы. Позвали Н. Д. Семиз. Она поняла, что это агония. Жена Юрия решила похоронить его в могиле брата, но родственники отказались пойти на кладбище показывать место захоронения. Милена с Борей дали по 250 руб. людям, отвезшим его на кладбище. Умер Рейхерт, а на другой день его жена – умерла тихо, в темноте, одна. Милена Семиз называла еще многих, но их я не знаю.

Каждый день видеть смерть и понимать свою обреченность – как это страшно! Но эта дневниковая запись помогает увидеть и людей, которые стараются из последних сил помочь своим близким и знакомым. Милена и Борис Пиотровский дали по 250 рублей людям, которые отвезли скончавшихся сотрудников Эрмитажа на кладбище. Милена Душановна, наверное, получала такой же паек и такую же зарплату, как и другие сотрудники Эрмитажа, в том числе и те, которые умирали от голода.

Милена уехала из Ленинграда, спасая мать от смерти. В 1942 году отца Милены, Душана Ивановича Семиза, должны были освободить из лагеря, но его не освободили ни в 1942-м, ни в 1943-м, ни в 1944-м. Он был выпущен после войны на очень короткий срок – и снова репрессирован. Но тогда, в 42-м, его жена и дочь были готовы покинуть блокадный Ленинград еще и потому, что за пределами осажденного города надеялись хоть что-нибудь узнать о самом дорогом для них человеке.

Хочу заметить, что все молодые сотрудники отдела Востока Эрмитажа, где работала и Милена Семиз, после войны добились больших научных успехов, стали докторами наук, написали много трудов. А Милена Душановна ушла из жизни, не имея ни званий, ни наград, ни научных степеней.

Во Владимире. Лето-осень 1943 года

О пребывании Милены во Владимире сохранилось всего три письма, датированных августом-сентябром 1943 года. Из них видно, что условия жизни во Владимире оказались настолько тяжелыми, что они приняли решение вернуться в Мышкин:

31. X. 43 года. Дорогой дядя Рома! Наши дела все те же и поэтому, хотя это, как мы говорим, неправильно, но мы принуждены ехать в Мышкин. На носу осень, сыро, дров не нашли (неразборчиво) и таскать стало очень тяжело по грязи, а лес далеко. Трудно очень биться в жизни, как рыба об лед и потеряв оседлость. Ну надо терпеть.

Две женщины с высшим образованием – врач и музейный специалист – не могут обеспечить своего существования в старинном русском городе недалеко от Москвы. Никто не может им помочь. Они – родственники врага народа. Они столько пережили в блокадном Ленинграде, но это никого не волнует. Чуть живыми они приехали в Мышкин, но там нет работы. Они бросают Мышкин, с огромным трудом добираются до Владимира, но и здесь беспросветно.

К моему величайшему удивлению в архиве нашего школьного музея я нашла газету «Призыв» за 24 октября 1943 года со статьей Милены Душановны о Золотых воротах. Правда, она была напечатана уже после выезда Милены в Мышкин. Тем не менее она свидетельствует о работе Милены в нашем музее, о первых ее исследованиях памятников городской старины.

Еще с большим удивлением уже в декабре 2011 года я читаю появившуюся в Интернете поэму о Милене Душановне, которую разместил Владимир Корман. Он познакомился с ней во Владимире в годы войны. Тогда ему было десять лет. Он пишет:

В 1942 г. мне довелось познакомиться с Миленой Душановной Семиз. Это почти легендарный человек, оставивший о себе яркую память в Ленинграде, Мышкине и в Москве. Как мне показалось, во Владимире ее забыли, именно поэтому я и написал о ней свои стихи, чтобы напомнить о ее пребывании у нас во время эвакуации. Счастлив, что ошибся, что владимирцы ее помнят... Летом этого [1942] года я с приятелями по улице и школе были почти беспризорными. Под влиянием дошедших до нас легенд решили разведать подземные ходы под Успенским собором. Кто-то из музейных работников вышел к нам – насколько помню, это была директриса музея – и, улыбаясь, объяснила, что это всего навсего вентиляционные люки старой обогревательной системы, устроенной в храме до революции. Но с этого дня на целый год между группой мальчишек и работниками музея установилась дружба.

Владимир Корман вспоминает, что осенью Милена Душановна с матерью стала приглашать ребят к себе, взяла над детьми шефство и давала им для прочтения книги по истории и художественную литературу.

Среди ребяташек военных лет, в памяти которых имя Милены Душановны осталось ярким пятном, был и друг Владимира Кормана Григорий Моисеевич Жислин. Сегодня он профессор-математик в Нижегородском университете, автор свыше сотни научных работ. В

своем письме он сообщил много интересного о связи с владимирскими музейщиками в годы войны и о дружбе с Миленой Душановой.

Она жила в малюсенькой комнате (квартире?) в самих Золотых воротах. Мы приходили, вроде она угощала нас чаем и показывала всякие исторические редкости. Запомнилась фигурка из времен Древнего Египта. Этой фигурке было несколько тысяч лет и она произвела на меня сильнейшее впечатление. М. Д. давала нам читать книги и не только исторические. Одна из книг произвела настолько яркое впечатление, что я уже в зрелом возрасте решил ее перечитать. Но название вылетело из головы и помнил я лишь благородного главного героя по фамилии Сигоньяк. И только с появлением интернета я обнаружил, что это был роман Готье «Капитан Фракасс», который я, конечно, перечитал с удовольствием. Я не исключаю, что М. Д. не случайно давала читать именно эту книгу, стараясь воспитать в нас лучшие качества.

Милена Семиз в период работы в Эрмитаже. Середина 1930-х

Милена Семиз в конце 1970-х

Дом на улице Никольской, где жила семья Семиз

Письма из Мышкина

В архиве Романа Дмитриевича Рогова сохранились 11 писем от Милены. Все они наполнены одним желанием: скорее добиться освобождения отца. Роман Дмитриевич – опытный юрист, близкий родственник, которому она полностью доверяет и уверена в том, что он может помочь освободить отца.

Очень прошу тебя, дорогой, напиши сразу же, не откладывай, ибо это важнее всего, надо ли мне самой ехать в Москву и что ты можешь сделать папе?! Я во всем полагаюсь на тебя и верю, ибо ты все знаешь и понимаешь до дна души.

Сколько надежды и отчаяния в этих строчках!

Милену угнетает отсутствие работы в Мышкине. Весной 42-го она пишет дяде:

Делать здесь нечего и местные работники приезжих берут в иттыки. В колхозе я из-за своего здоровья (увечье с почками) работать не могу. Предложили мне место во Владимире в музее – 400 рублей и комнатка маленькая. Вот хочу спросить только совета, как? Ехать ли? Не глупо ли из-за папы жить в Мышкине. Очень прошу обдумать и дать совет.

Роман Дмитриевич советует ей переехать во Владимир. Милена и Наталья Дмитриевна приехали во Владимир в конце мая или начале июня, однако прожили они здесь очень недолго. Условия жизни во Владимире оказались столь тяжелыми, что оставаться здесь было невозможно. В письме от 3 сентября 1943 года Мила пишет:

Дорогой дядя Рома. Наши дела все те же и поэтому, хотя это, как мы говорим, неправильно, но мы принуждены ехать в Мышкин. Из Москвы

пишет мне подруга из Новодевичьего м-ря, есть надежда на получение работы под Москвой, но это дело времени – месяца, а то и двух. На носу осень, сыро, дров не нашли и таскать стало очень тяжело по грязи, а лес далеко. Вообще все это плохо, отступление, но оставить здесь маму категорически нельзя. Трудно очень биться в жизни, как рыба об лед и потеряв оседлость. Ну, надо терпеть. Лично я только боюсь за мать – может быть, ей там в какой-то мере будет лучше. Да, словом положение такое, что рассуждать не приходится, когда жизнь берет за горло.

Читая письма Милены, невольно начинаешь погружаться в тягостные будни того времени. Она верит в помощь Романа Дмитриевича и торопит его.

Дорогой дядя Рома! Уж ты прости, но поскольку ты мой поверенный, а «мы ужо вас отблагодарим», я и бомбардирую тебя письмами. Вчера получили разрешение на въезд в Мышкин, так что надо хлопотать скорее с отъездом, это раз. И вчера же пришло письмо от папы, он был представлен к освобождению на 14 августа, но, видимо, сорвалось и просит подтолкнуть в Москве. Если у тебя ничего не вышло – дай телеграмму, попробую тогда проехать сама, пока мы еще здесь поблизости. Словом, умоляю, не молчи. Не сплю ночи. Совсем обе с матерью изводимся.

Из Владимира Милене, благодаря связям дочери Романа Дмитриевича Ирины удается побывать в Москве. 1 октября 1943 года она пишет дяде:

Дорогой дядя Рома! Вчера вечером в 11 ч. благополучно прибыли во Владимир. Съездила хорошо. Видела всех, много наших эрмитажников, а главное Орбели. Хлопочет обо мне и моем переводе в Москву. Чудно! О папе все узнала – подала заявление, все дело, говорят, в распоряжении местных властей. Может быть, есть смысл поехать в Архангельск?!

Уже наступил конец октября 1943 года, а Душан Иванович продолжает оставаться в одном из лагерей Архангельской области. Уже целый год его освобождение задерживается без всяких оснований. Вернувшись в Мышкин, Милена пишет Роману Дмитриевичу:

Дорогой дядя Рома! Наконец-то приехали в Мышкин. Дорога была трудная... В Мышкине ждали меня извещения из Москвы о том, что делу дан ход и отослали мои заявления в Архангельск. Папа же прислал письмо, где пишет, что не имеет от нас сведений уже 4 месяца. Посылаю еще заявление на место с просьбой ускорить дело. Сама жду вызов в Москву... В Мышкине тихо и темно совершенно, нет никакого света, это действует угнетающе. Хорошо еще осень стоит чудная, сухая и теплая. Есть картошка, рыба, словом, проживем пока, хотя и трудно.

Каждое письмо Милены по-прежнему полно надежды на освобождение отца. Она продолжает верить и надеяться на работу в музее где-нибудь недалеко от Москвы, а может быть, и снова в Эрмитаже. Милена пишет:

С Галей я посылаю в Москву копию заявления. Мои дела с Москвой в тумане. Никто ничего не пишет. Говорят мои друзья, что эрмитажников скоро будут собирать либо в Свердловске, либо прямо в Ленинграде. Ну, как Бог решит. Костя прислал письмо очень хорошее. Твои и его письма неизменно теплые и всегда дают радость и бодрость нам, старушкам. Мама так и говорит: «Без слова теплого не проживешь». И за это огромное тебе спасибо. Вспоминаю наши с тобой разговоры до дна души. Хорошо!

Ну, Бог даст, увидимся скоро. И я верю в хороший исход, а дух славянский жив и будет жить вовеки, ибо с нами Бог наш.

В письмах Милены полностью отсутствуют какие-нибудь отзвуки советского патриотизма, которые так часто можно встретить в письмах военного времени. Она живет в своем мире, в котором главными ценностями являются семейные и дружеские связи, духовное родство, вера в бога.

В архиве Романа Дмитриевича не сохранилось писем Милены за 1944 год, а за 1945-й сохранилось только одно. Оно написано в августе из Ленинграда. Из него видно, что Милена все-таки получила вызов в Ленинград, но она вынуждена из него уехать.

Дорогой дядя Рома! Отсюда еду на днях в командировку в Ярославль, т. е. обратно. Здесь невероятно трудно получить площадь. Надо стоять на учет и ждать...

А Эрмитаж, хотя и обещал, но ничего не дал, т. к. не имеет, вызвали на ничто. У меня планы другие. Хочу жить около Москвы и буду за это бороться. Здесь меня одолевают призраки прошлого и порой одолевает такое отчаяние, что реву белугой. Была на Волковом кладбище, нашла в полной сохранности могилу бабушки, только березки спилили... Здесь мне все не по душе. Хорошо бы нам всем иметь место около Москвы, подумай об этом. Жить надо по новому, с начала и на новом месте.

Параллельно с дочерью письма брату пишет и Наталья Дмитриевна:

Дорогой Ромочка! Мила тебе писала обо всем. К сожалению, из ее хлопот ничего не вышло. Из А/х пришел ответ, что оснований актированию нет. Мы снова обжаловали, ссылаясь на циркуляр, о котором ты писал.

Идут месяцы и годы, а Душан Иванович продолжает оставаться в заключении. 14 июня 1945 года Наталья Дмитриевна пишет:

Очень мы огорчились письмам Душана. Домой он не собирается, во всяком случае, если это и будет, то только в конце года. Подумай, какая жестокая несправедливость. Он в отчаянии, потерял голову, не знает, что предпринять. Ведь здоровье его очень плохо и каждый день важен. А бытовые условия снова ухудшились. Писать может только 2 раза в месяц. Посылку, посланную из Орехова, еще не получил, а мою, посланную в одно время с ней, получил 29 апреля. И еще послали 29 мая. Еще скажи, Слава Богу, что еще кормить разрешают.

Успокаивая брата при получении известия о серьезном заболевании его жены, Наталья Дмитриевна пишет:

Как тебе ни плохо, помни, что родственное горе ½ горя, всей душой с тобой... Вот наш страдалец сколько лет мучается, больной, никто за ним не ухаживает, никто слова ласкового не скажет, ничто не скрашивает его жизнь, и всей душой он рвется домой, чтобы хоть глаза закрыла любящая рука.

И дальше в этом же письме:

От Душа вчера было письмо. Наша посылка шла всего 7 дней. Но сейчас даже посылки его не радуют. Страстно хочет домой, до сердечной

муки. Здоровье плохо. Ноги отекают до колен, надо бы лежать, но он работает 12 часов в день.

8 июля 1945 года Наталья Дмитриевна сообщает брату:

Вот и амнистия объявлена и, как следовало ожидать, не для нас... Собственно говоря, Душан всегда протестовал против слова амнистия, которой должно предшествовать преступление, а у него его нет. Не знаю, что же теперь с ним сделают. Письма от него давно не было.

В письмах Наталья Дмитриевна очень часто называет Душана Ивановича «наш мученик»:

Наш мученик живет все также плохо. Хоть бы умер то на наших руках.

Облегчение матери и дочери дает вера в бога.

Дорогой Ромочка, сегодня Милуша именинница, мы с ней ходили в церковь. У нас там завелся хороший священник, который действительно устроил «храм» и вызывает всеобщую симпатию. Сейчас, когда все люди страдают, хорошо сделали, что в церкви и признанием духовенства открыли как бы форточку народной скорби.

Страдания и тревоги за близких людей, тяжелые бытовые условия отражаются на здоровье Натальи Дмитриевны.

Я совсем состарилась за эти годы и часто прибегаю к «плакончику» в виде люминала – сонного, чтобы не думать. Это у Лескова есть рассказ про «плакончик» утешитель.

Несмотря на то, что Милена вынуждена была уехать из Ленинграда, расстаться с Эрмитажем, она как человек глубоко верующий не придает отчаянию, верит, что сможет собрать своих родных вместе, рядом под Москвой и еще сможет быть счастлива в кругу близких себе по духу и крови людей. Ей хотелось устроиться в каком-нибудь музее рядом с Троице-Сергиевой лаврой, но ее надеждам не суждено было сбыться. Душан Иванович не был освобожден. Это произойдет только в 1953 году после смерти Сталина.

Последнее письмо Милены дяде написано в 1955 году. Она пишет Роману Дмитриевичу о смерти Душана Ивановича и просит простить за давний разрыв с ним.

Дорогой дядя Рома!

Я давно хотела написать тебе, а сейчас пишу перед лицом великого горя. Ушел от нас навеки горячо любимый страдалец наш – папа. Горе слишком велико и непереносимо. Мама в таком ужасе.

Дядя Рома, я виновата, что писала тебе тогда резкое письмо. Мной двигала тогда любовь к отцу, может быть, я не поняла тебя. Мне казалось, что ты ухудшил его положение, если бы твое письмо юристу пошло в ход. Ну, теперь это все дела ушедшие. Искренне сожалею.

Тебя жалею и люблю. Прости! Часто вспоминаю, как я приезжала к тебе в Орехово и мы ночевали вдвоем в пустом доме в комнате бабушки. А тетя Маня была уже больной в Москве. Помню, как ты приезжал к нам.

Еще раз прости. Забудь все и пиши нам с мамой. Скоро ведь и нам всем идти в дальний путь, из которого нет возврата. Хорошо, что у тебя

есть внук, о котором ты мечтал – Дмитрий Рогов. Ну, будь спокоен. Твоя несчастная Мила.

Поездка в Мышкин

Город Мышкин – родовое гнездо семьи Роговых. Здесь прошли детство и юность матери Милены Натальи Дмитриевны и ее дяди Романа Дмитриевича Рогова. Здесь с 1942 по 1967 год Милена Душановна прожила четверть века практически безвыездно. Чтобы больше узнать о жизни Милены Душановны в этом городе, мы с Верой Сергеевной поехали в Мышкин, где нас ждали сотрудники Опочининской библиотеки. Она расположена в красивом уютном особняке бывшего купца первой гильдии Чистова.

Самое большое помещение библиотеки – Александровский зал (когда-то в нем действительно встречали императора Александра III). И здесь, между двумя высокими окнами, мы увидели застекленный шкаф, на всех полках которого были представлены совершенно удивительные фигурки, одетые в одежду XVIII–XIX веков. Это были не просто маленькие куколки, выставленные в ряд, это было нечто потрясающее. Эти фигурки «жили» в интерьере своего времени. Тут были и роскошные гостиные, и столовые, и кабинеты дворян, их спальня и комнаты и девичьи. Жизнь высшего света ожила перед нашими глазами. Все это было выполнено одним человеком – Миленой Душановной Семиз.

Это оригинальное творчество Милены Душановны не осталось незамеченным. Статьи искусствоведов о куклах Милены Душановны были опубликованы в нескольких советских журналах. Так, в журнале «Декоративное искусство в СССР» за 1982 год искусствоведы В. Сергеев и Н. Барская пишут:

Во «дворце» Милены Душановны эпохи живут слитно, цельно... В их соседстве, единстве большая радостная правда. Этой правде создательнице научила мудро прожитая жизнь, научил родной Эрмитаж, под крышей которого уживалось прекрасное, созданное чуть ли не всеми временами и народами. Тщательно одетые по моде своего времени дамы и кавалеры топчут луг, цветы которого – часть вышитой салфетки, крошечная ключница несет на кольце настоящие ключи, изумительный натюрморт на столе не скрывает своего родства с простенькой брошкой, из которой он сделан. Трудное время и трудная жизнь научили Милену Душановну использовать спичечные коробки для ящичков изящнейших столов, пробки от духов и крышечки от тюбиков с пастами как основу ампирных сервизов строжайшей формы; обрывки птичьих перьев для вееров, превращать ампулы от лекарств в стройные, узкогорлые бутылки «Вдовы Клико».

В Опочининской библиотеке мы познакомились с воспоминаниями жителей Мышкина, которые знали Милену Душановну и общались с ней. Вот, что рассказывает Калерия Александровна Арефьева:

Тогда я узнала, что по субботам у Милены Душановны и Натальи Дмитриевны собирается узкий круг друзей на чашку чая нашей мышкинской интеллигенции. Участницей этих чаепитий была и учительница мышкинской средней школы Нина Николаевна Мехова. «Это были вечера-беседы о современной жизни, – говорила она. – В эту тесную компанию входил и круглинский батюшка. Появлялся он в сумерках, в светской одежде, в темно-синем пальто и такой же шляпе. К ним не раз приезжал поэт Всеволод Рождественский».

Эти рассказы еще раз убеждают, какой незаурядной личностью была Милена Душановна, как нужен был ей тот круг друзей, который был у нее в годы работы в Эрмитаже, в годы жизни в Ленинграде. Как ей хотелось быть среди бывших коллег: Бориса Пиотровского, Александра Николаевича Болдырева, Игоря Михайловича Дьяконова, Натальи Дмитриевны Флитнер, Александры Владимировны Банк, Милицы Эдвиновны Матье, Исидора Михайловича Лурье и других сотрудников отдела Востока Эрмитажа. Все они с середины 50-х до середины 60-х годов стали докторами наук, совершали научные экспедиции, писали и публиковали научные труды, преподавали в институтах, получили профессорские должности. В начале 30-х годов они вместе с Миленой Душановной начинали свою научную карьеру в Эрмитаже. Но, наверное, уже после первого ареста отца в 1929 году на нее легла тень политической неблагонадежности, которая сделала для нее путь продвижения по службе более трудным, чем для других. Душана Ивановича должны были освободить в 1942 году. Но волокита с освобождением тянулась до смерти «великого вождя». Вместо четырех лет, незаслуженных лет заключения, он просидел в лагерях 15! И все эти годы вместе с ним страдала его семья: сын, дочь, жена. Письма, хранящиеся в нашем школьном музее, яркое этому подтверждение.

Директор библиотеки Галина Владимировна Бешметова провела для нас экскурсию по городу Мышкину. Мы подошли к дому на улице Никольской, где жила семья Семиз. На доме есть мемориальная доска, на которой указано, кому принадлежал этот дом, а также что в этом доме часто бывал известный советский писатель и библиофил Всеволод Рождественский. В 50-60-е годы он часто приезжал на лето в Мышкин с семьей и всегда останавливался в доме Семизов.

Поездка в Мышкин помогла мне хоть немного приблизиться к миру моих героев, увидеть этот почти игрушечный Мышкин, большой деревянный дом, в котором сейчас живут совсем другие люди. Мы увидели памятную доску на доме Роговых-Семиз, мы узнали, что память о них действительно до сих пор жива. И тот мир, который они создавали вокруг себя в Мышкине, лишь сегодня начинает быть понятным современному горожанину. Я поняла, почему новая советская мораль не могла разрушить старые вековые семейные узы этой семьи, изменить и переделать этих людей на новый лад. Я поняла, почему Душан Иванович так рвался в этот дом, к своему семейному очагу. И он дожил, чтобы родная рука закрыла ему глаза. Дом, семья, любовь близких, желание творить вокруг себя добро и красоту – вот главное в жизни человека. И семейство Роговых-Семиз несло в себе это через все преграды, горе и страдания.

Период работы в музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве

Последний период жизни Милены Душановны Семиз связан с Москвой и ее работой в должности заведующей библиотеки Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, располагавшегося на территории бывшего Спасо-Андроникова монастыря. Здесь Милена Душановна вновь обрела круг друзей, близких ей по духу и глубине знаний. А может быть, способствовала собиранию и сплочению коллектива этих истинных любителей русского искусства.

Вот как вспоминает атмосферу, царившую в музее Андрея Рублева в 60-70-е, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького В. М. Гуминский:

В музее имени Рублева спасали, возвращали к жизни древнюю живопись, и это общение с живописными образами преображало людей. Все они были людьми верующими, церковными. Что, конечно, не афишировалось. Более того, скрывалось. И Бог хранил их тайну. Вероятно, это был единственный в столице коллектив, не имевший партийной организации. Здесь, в стенах бывшего Спасо-Андроникова монастыря, бывали в гостях, подолгу беседовали с сотрудниками и друзьями музея митрополит Антоний Сурожский, Дмитрий Сергеевич Лихачев, первый гость с Запада Леонид Алексеевич Успенский.

Виктор Мирославович в своих воспоминаниях очень ярко описывает регулярно происходившие в музее чаепития, которые были своеобразным ритуалом. Он пишет:

Но, конечно, главным лицом за столом была Милена Душановна Семиз. В музее она заведовала библиотекой, однако не эта скромная должность определяла ее первенствующее положение в музейном обществе. Я всегда именно такой представлял себе французскую королеву Екатерину Медичи, когда читал романы о мушкетерах Александра Дюма. Ее гордо посаженная голова, царственная осанка, нерусская красота выразительного лица с глубоко посаженными глазами, тонким носом с аристократической горбинкой; пышная копна густых, с сильной проседью волос, упорно сопротивлявшихся любым попыткам собрать их хотя бы в некоторое подобие прически, – все это складывалось в образ женщины властной и незаурядной, привыкшей повелевать, а не подчиняться.

О незаурядности Милены Душановны свидетельствует такой случай, описанный Виктором Мирославовичем:

Милена Душановна была способна на совершенно неожиданные поступки. Так, в 1973 г. на свой страх и риск она предложила Сергею Сергеевичу Аверинцеву креститься, причем не где-нибудь, а прямо здесь, в помещении музейной библиотеки (креститься в церкви было нельзя, так как там требовали паспорт, после чего неизбежно следовали серьезные неприятности на работе). Тот, не задумываясь, согласился. К тому времени С. С. Аверинцев был уже кандидатом филологии, автором монографии «Плутарх и античная биография» (за нее он, кстати, получил премию Ленинского комсомола) и целого ряда статей («Новый Завет», «Христианство» и т. д.) в «Философской энциклопедии». Таинство крещения совершил приглашенный Миленой Душановной о. Владимир Тимаков, служивший тогда в Николе на Кузнецях. Все прошло благополучно: крестной была сама Милена Душановна, крестным отцом – Вадим Васильевич Кириченко. А затем, по традиции, последовало торжественное чаепитие.

Письма Милены Душановны и Натальи Дмитриевны Семиз, которые нашлись в архиве нашего школьного музея, подтолкнули меня к началу большого интересного поиска.

Работа по изучению судьбы М. Д. Семиз помогла мне увидеть жизнь советской России прошлого века, не похожую на ту, которая существовала на страницах газет, журналов, экранах телевизоров, и отличавшуюся от той, в которую были погружены миллионы советских людей. Я узнала, что в СССР жили люди, которые несмотря ни на что продолжали жить по законам христианской морали.

Александра Катеман Хлеб наш насущный Из истории моей семьи

*Отче наш, иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
Да придет царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь...*

г. Санкт-Петербург, научный руководитель Т. Н. Бойко

Когда я была еще совсем маленькой, я как-то упросила свою маму показать мне, что это такое: хлеб насущный; это выражение я знала по молитве. Для этого мы отправились в булочную. У меня, оказывается, был свой образ хлеба насущного, потому что, когда мама показала мне на батон и сказала, что это он и есть, я не согласилась. «Нет, это не хлеб насущный», – уверенно сказала я. И багет, и сладкие булочки, и даже белый «кирпичик», все это, по моему мнению, не подходило под определение хлеба насущного. Наконец, перебрав почти все, мама нашла для меня какие-то небольшие серые хлебцы, и только в них я, наконец, признала «хлеб насущный».

Конечно, тогда, в четыре года, я не знала, что хлеб насущный – это не только хлеб. Что это наша каждодневная пища, которую мы едим дома, часто не задумываясь, почему у тебя в семье готовится именно это блюдо. Хлеб насущный связывает нас с нашими родными, с предыдущими поколениями, со своим народом...

Семейное меню – это самая наглядная семейная традиция. Как реликвия или семейное предание, оно бережно сохраняется и передается из поколения в поколение. В нашей семье нет кулинарной книги с семейными рецептами, они достаточно просты и потому передаются устно. Но почти за каждым блюдом стоит своя история, связанная с теми или иными людьми и событиями. Она обычно рассказывается за общим семейным столом и вызывает другие истории и воспоминания. После еды иногда раскрываются фамильные альбомы с фотографиями, чтобы взглянуть на участников тех событий и вспомнить еще что-нибудь замечательное.

«Недопад» – любимое блюдо принца

В нашей семье очень популярно блюдо, которое называется «недопад». Это жаренный с луком, солью и перцем рассыпчатый фарш, в который в последний момент жарки добавляется сметана. Это очень сытное и вкусное блюдо. Моя прапрабабушка научила готовить его мою прабабушку, та – моего дедушку, а он – мою маму.

А любил это блюдо принц Александр Петрович Ольденбургский, дядя царя. Ему на завтрак готовила «недопад» кухарка, моя прапрабабушка Анна Антиповна Маркова. Ее муж, мой прапрадедушка, Дмитрий Федорович Ольшанский был унтер-офицером в царской армии. Видимо, он хорошо себя показал по хозяйственной части, за что и был приглашен принцем на должность управляющего в его дворец, который находился на Дворцовой набережной, 2 (сейчас это здание Университета культуры и искусств).

У Анны Антиповны и Дмитрия Федоровича было двое детей: Михаил и Зинаида. Вся прислуга жила в подвальных помещениях дворца, там прошло и их детство. Мой прадедушка даже помнил парады на Марсовом поле, где видел наследника престола в матросском костюмчике.

Пирог с грибами

Прапрадедушка умер еще до революции, в 1915 году. Мой прадед, Михаил Дмитриевич Ольшанский, в эти годы учился в реальном училище.

Вот один из забавных фактов его юности. Будучи студентом реального училища, он со своим другом подрабатывал статистом в Мариинском театре. Однажды в опере «Борис Годунов» они должны были выносить на сцену трон самому Федору Шаляпину. Друзья поставили трон на сцену, а потом взяли и сами уселись на этот трон. «Пошли прочь!» – шикнул на них Шаляпин. На этом их артистическая карьера и закончилась.

Михаил Дмитриевич связал свою судьбу с флотом. Дослужился до капитана 1-го ранга, получил гражданскую профессию инженера по гребным винтам. Он имел несколько изобретений, например, устройство для экспериментального исследования моделей соосных винтов.

Во время Великой Отечественной войны Михаил Дмитриевич Ольшанский воевал на торпедных катерах: сопровождал военный транспорт в Балтийском море, обеспечивая ему защиту от нападений вражеских кораблей. Его семья – жена Мария Алексеевна, мать Анна Антиповна и двое сыновей Родлет и Миша – сначала находились в блокадном Ленинграде, а потом эвакуировалась на Большую землю.

С эвакуацией связано сильнейшее гастрономическое впечатление моего дедушки, Михаила Михайловича Ольшанского, которому в начале войны было четыре года. Он сам написал об этом в рассказе «Пирог с грибами», который хранится в нашем семейном архиве.

Воспоминания войны так глубоко врезались ему в память, что даже долгий жизненный путь не мог их стереть. Звуки войны он помнил всю свою жизнь и говорил, что никогда не слышал ничего страшнее и противнее. Ему запомнились изможденные лица родных. Из еды – суп с опилками вместо крупы. Хлеб – из отрубей и сена.

Отправляя свою семью в эвакуацию, Михаил Дмитриевич отдал им единственную свою драгоценность – месячный паек табака. Пачка оценивалась на черном рынке в две буханки хлеба. Это почти 1,5 кг. Дневная норма работающего человека в первую блокадную зиму была 250 г в сутки, на детей и женщин выделялось 125 г. И это был это весь дневной рацион.

Чудом добралась семья до Большой земли. Их машина останавливалась по дороге, ломалась. Но на рассвете они уже были вне опасности. Какие-то машины из их каравана ушли под лед, какие-то заблудились в ночи. Кто-то из беженцев замерз в пути.

Старший брат дедушки Родлет пошел добывать съестное (он родился 7 ноября 1927 года, в десятую годовщину Октябрьской революции. В то время модно было давать революционные имена, типа Владлен, Марксина или Электрификация. Имя, которое отец придумал своему сыну, было в духе той эпохи: Революции Октября Десять ЛЕТ). Он обменял часть

табака на пирог с солеными грибами. Вкус этого пирога остался в памяти бабушки на всю его жизнь. Он никогда больше не пробовал этот пирог. Моя мама рассказывает, что Михаил Михайлович никогда не пытался испечь его, потому что он боялся, что у него не получится испечь такой пирог и его воспоминание будет ослаблено из-за этого.

Вот как сам дедушка пишет об этом: «Что самое вкусное на свете? Каждый человек назовет несколько своих любимых блюд, но назвать одно единственное не сумеет, а я вот смогу. Это, конечно, пирог с солеными грибами, тот пирог из далекого детства, из БЛОКАДЫ. Никогда больше я не встречал это блюдо, никогда не пробовал его еще раз, но вкус до сих пор помню».

Книга воспоминаний бабушки

Моя бабушка, Нина Александровна Бугрина, всю блокаду с матерью Натальей Георгиевной Аникиной-Кудишкиной и младшим братом Володей находилась в осажденном Ленинграде. Они жили на Английской набережной (бывшая набережная Красного Флота) сначала в доме 64, потом в доме 66.

У детей была дистрофия третьей степени. Голодная дистрофия, полнейшее истощение, от которого умерло большинство ленинградцев в блокадную зиму 1942 года.

Жизнь в блокадном городе, события тех времен так врезались ей в память, что, повзрослев, она записала свои воспоминания. Получилась рукописная книга. В этой книге несколько глав. В одной из них бабушка рассказывает о выступлении их детского садика перед ранеными. В другой главе она описывает быт военного времени. Глава «Первый обстрел и первая бомбежка» посвящена сильнейшей бомбежке, которую пережили маленькие Нина и Володя:

Вдруг с самолетов начали отделяться продолговатые черные предметы. Там, где они падали на землю, раздавался оглушительный взрыв, все погружалось в смрадный черный дым, вспыхивало пламя... Люди в панике бежали. Бежали и мы. На голой поверхности моста нельзя было укрыться, а мы находились как раз на середине моста... Задыхаясь от бега, спотыкаясь, охваченная каким-то паническим ужасом, я не могла оторвать взгляда от самолетов и от роя бомб, непрерывно сыплющихся на землю...

Мне казалось, что они падают медленно, как в замедленной киносъемке, приближаются, словно нехотя... Взрыв оглушительной силы перед нами. Все померкло в глазах, сердце стучит, как бешеное. Мы бросаемся на землю, я лежу, закрыв голову руками, зажмурился глаза. Когда я открываю глаза – все вокруг красно, все ярко-алое... Но это не краснота в глазах, а действительно красным залит тротуар. Кровь. Мы бежим по крови. Вот перед нами лежит неподвижно женщина, вот еще какие-то люди. Фугаска угодила в трамвай, и он, развороченный стоит поперек рельсов.

Очень неожиданной была для меня глава, в которой бабушка описывает, как они, дети, уже после блокады ходили к пленным немцам, чтобы обменивать у них кусочки хлеба на самодельные игрушки.

Самое сильное впечатление на меня произвела глава под названием «Отец». В этой главе бабушка рассказывает о своем отце Александре Тимофеевиче Бугрине, ленинградском художнике. Великая Отечественная война застала его на выпускном курсе Академии художеств. С первых до последних дней войны он был в рядах Красной армии, на Ленинградском фронте.

Бабушка хорошо помнит, как провожали отца на фронт, как долго отец держал ее и брата на руках, не имея сил с ними расстаться. Но когда началась блокада, Нина как будто забыла отца. И когда в один из февральских дней зимы 1942 года отец пришел навестить их, дети не узнали его и даже дичились. И отец не узнал своих детей, так они изменились за полгода.

Это были два маленьких скелета, – писал он потом своей матери, – два старичка. Их руки и ноги – это одни кости, даже кожа на них сморщилась...

Отцу дали увольнительную на сутки, чтобы навестить семью, находящуюся в блокадном Ленинграде. Он шел в лютую стужу по оцепеневшим и вымороженным улицам, тысячу раз скользя и спотыкаясь, шел целый день, через весь город, под обстрелами и бомбежками, в тонкой шинели, ветхой гимнастерке, брезентовых ботинках. Под шинелью, в железном солдатском судке отец нес Нине и ее брату гороховый суп – свой солдатский паек. Он копил свои порции несколько дней, чтобы отдать эту еду детям. Вкус этого супа бабушка запомнила на всю жизнь.

Поэтому и грибной пирог, и гороховый суп – такие незамысловатые блюда, запечатлелись в памяти моих дедушки и бабушки как символ любви их отцов в то страшное военное время.

Александр Тимофеевич Бугрин не только воевал на Ленинградском фронте, но и продолжал рисовать. Его работы, главным образом портреты, были представлены на блокадной выставке в мае 1943 года.

Тема войны и блокады продолжала жить и в его послевоенном творчестве. Сохранилась фотография, где Александр Тимофеевич изображен в 1948 году за работой над картиной «Салют Победы».

Дмитрий Ольшанский с женой Анной и детьми Михаилом и Зинаидой. 1909

Рисунок Владимира Бугрина

Елена Ольшанская (верхний ряд 3-я слева). Пионерлагерь «Авроровец», 1979

Яичный порошок

Когда открыли второй фронт, с едой стало получше. Появились американские продукты – кокосовое масло удивительного белого цвета и яичный порошок. Его смешивали с водой и жарили. Получалось что-то типа омлета. Но все равно было голодно. От голода особенно страдал брат моей бабушки, Владимир Бугрин. В 1944-м ему было шесть лет. Однажды он нашел банку с темно-желтым порошком.

Находка его очень обрадовала – ведь это тот самый яичный порошок, такой вкусный и питательный! Не разбирая вкуса Володя стал жадно поглощать этот порошок, он съел почти целую банку, пока не почувствовал сильное жжение. Ведь это был совсем другой порошок – горчичный! Его рот стало жутко жечь, так что он не мог ничего сказать. Он выпил воды, но от этого только усилился огонь во рту. Володя обжег себе весь пищевод, понадобилась срочная госпитализация. В больнице врачи спасли ему жизнь, но болезнь он себе нажил. Вот насколько сильный голод был у ребенка во время блокады, что он даже поначалу не разобрал, что ест, так как для него главным был не вкус, а сама еда.

Владимир Бугрин в дальнейшем стал художником, так же, как отец, окончил Академию художеств. Будучи участником выставок неофициального искусства (например, выставки 1975 года в ДК «Невский»), подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать. Долгие годы, живя вне пределов нашей страны, создавая новые произведения, участвуя в выставках, Владимир Александрович не забывал свое блокадное детство, рассказывал об этом своей жене и детям.

Он смог приехать в Ленинград только когда началась перестройка, в 1988 году. Последние годы его жизни тоже прошли в нашем городе, в той же квартире на Английской набережной. В это время Владимир Александрович сделал несколько иллюстраций к книге воспоминаний своей сестры. Интересно, что Владимир Александрович – выпускник школы № 238, тогда еще мужской. В этой школе учусь сейчас и я.

Пирог родительского дня

Как и у всех ленинградцев, блокада – эта самая трагическая страница жизни нашей семьи. Следующее поколение, поколение наших родителей, родилось в самую благополучную эпоху советского времени, в период так называемого застоя. В отношении еды это было время стабильное, но без изысков. Как и рецепты тех времен, в которых смешивались друг с другом простые и доступные продукты.

Моя мама, Елена Михайловна Ольшанская, как и большинство советских школьников, часто проводила лето в пионерском лагере. В лагере «Авроровец» работали разные кружки.

Мама записалась в кружок молодой хозяйки. Там ее научили готовить два блюда: рыбу под майонезом и «кружевной пирог». Ингредиентов требовалось немного. Но до сих пор эти блюда пользуются у нас неизменным успехом. Мама рассказала нам о том, как молодые хозяйки должны были приготовить шесть «кружевных пирогов» для угощения родителей в родительский день. Маргарин, яйца, сахар, мука – все было в достатке, но на шесть пирогов им было выдано только пять баночек клубничного джема, которым надо было смазывать пироги. Джем тогда был дефицитом, многие захотели его попробовать, и джема, естественно, не хватило. Руководительница кружка была очень недовольна, ей пришлось открывать шестую баночку, на которую у нее, возможно, имелись особые планы.

«Кружевной пирог» вызывает у мамы воспоминания о лагерных линейках, на которых поднимался флаг, тихом часе, пионерских кострах. И я думаю, что этот ее опыт для нас, ее дочерей, уже неповторим, так как связан с эпохой, которая произошла в истории только один раз, и хорошо ли или плохо ли, но она больше не повторится.

Коммунальные рецепты

Большинство блюд, которые мы готовим в семье, относятся к эпохе застоя, который тогда назывался «развитым социализмом». Для него характерны большие государственные учреждения, фабрики, заводы с огромным количеством рабочих мест и зарплатой, которой хватало на скромную жизнь без излишеств. Продукты питания в то время были доступны по цене, но не разнообразны. Кулинарные книги не продавались в таком количестве, как сейчас. Люди сами составляли свои кулинарные книги, обмениваясь рецептами с сослуживцами, соседями, вырезали рецепты из журналов «Работница», «Крестьянка» или даже «Наука и жизнь». Рецепты того времени отличаются простотой и не включают в себя никаких особенных ингредиентов. Если это рис, то это рис. И не надо уточнять какой он – длиннозернистый, белый или коричневый (о существовании последнего вообще никто не знал). Если в рецепте была упомянута рыба, то подразумевалась треска, окунь или минтай, или уточнялось, что это лосось в банке. Это было время так называемого дефицита, люди радовались приобретенным продуктам и считали удачей, если им удавалось купить что-то редкое или почти не появлявшееся на полках магазинов.

В советское время многие люди жили (и даже до сегодняшнего дня иногда живут) в так называемых коммуналках. Это квартиры, в которых семья или отдельный человек занимали одну или несколько комнат, вместе пользовались ванной, туалетом, кухней («местами общего пользования»), а также коридором и прихожей. Такие условия поневоле сталкивали людей друг с другом, заставляя их выстраивать какие-то отношения.

Конечно, если люди делили общую кухню, то интересные новые блюда, которые рядом с тобой готовила твоя соседка, не могли не привлечь внимания. Возникали вопросы, давались советы, делились опытом... Бывало так, что вся квартира «заболела» каким-то рецептом. Моя мама помнит, что в квартире ее бабушки, в которой проживало 14 человек, такими общими рецептами были: творожная запеканка, 12-часовой пирог и чайный крем к торту «Наполеон». К сожалению, рецепты первых двух блюд у нас не сохранились, а чайный крем готовится просто: стакан с очень крепким, сладким, холодным чаем по чуть-чуть вливается во взбиваемое масло до полного растворения.

Сосед маминых родителей – он был из Одессы – научил их готовить баклажанную икру: четыре баклажана, четыре помидора запечь в духовке, затем, очистив от шкурки, перетереть с чесноком, добавив соль, перец, подсолнечное масло и уксус.

Это блюдо сезонное, а вот блюда, которыми мы угощаем гостей в праздничные дни, пришли от коллег моих бабушки и дедушки. Это салат «Мимоза», который у нас называется «генеральским» (рецепт с бабушкиной работы), это салат охотничий из моркови, лука и зеленых помидоров, залитых горячим маринадом. Маринадами занимался дедушка, и особенно хорошо ему удавались маринованные грибы. Рецепт он разработал сам. И теперь только мама в нашей семье владеет им. Могу лишь сказать, что в маринад для грибов кладутся пряности и сахар.

Семейные обеды, праздничные застолья – часть нашей семейной культуры. За столом мы рассказываем о прошедшем дне, слушаем воспоминания взрослых. Я думаю, мне и моей сестре удастся сохранить эту традицию. Мы едим блюда, которые теперь, когда мы знаем их историю, являются для нас отголосками времени. У нас довольно часто готовится «недопад», и мы вспоминаем при этом принца Ольденбургского, чьи заслуги перед отечеством стали признавать в последнее время. А грибной пирог и гороховый суп, такие незамысловатые блюда, стали для нас символом любви отцов наших дедушек и бабушек в страшное военное время.

Рецепты времен «застоя», записанные от руки в блокнотах и тетрадках, – отголоски того времени, когда из обычных продуктов, которые иногда с трудом приходилось добывать, хотелось приготовить что-то оригинальное.

Ненаписанная кулинарная книга моей семьи – это книга воспоминаний. Читая ее, я переживаю историю своей семьи. Кулинарные традиции – ниточка, которая связывает у нас разные поколения, разные времена. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мы чувствуем эту связь. Умение сохранять традицию способствует сплочению семьи, помогает выстоять в трудных обстоятельствах, что как раз и было проверено на примере моих близких.

По ту сторону правды

Алексей Губанов, Ольга Павлюченко, Артем Рыжонков Люди города N

г. Новочеркасск, Ростовская область, научный руководитель Е. Г. Губанова

Эта работа посвящена судьбам представителей интеллигенции нашего города в 1920-х – начале 1930-х годов. Показать положение, в котором оказались эти люди, мы решили через историю профессоров Донского политехнического института. Власть пыталась сломить их, потому что ей казалось, что они самим фактом своего существования уже представляют для нее угрозу.

Источниками для этой работы стали материалы дела «Промпартии» из архива ФСБ по Ростовской области, публикации местных газет 1926–1930 годов, документы Государственного архива Ростовской области и другие.

Донской политехнический институт

2 марта 1907 года был издан закон Совета министров России, одобренный Госсоветом и Государственной думой, об учреждении в Новочеркасске Донского политехнического института. В соответствии с этим законом институту полагались 19 кафедр. Кафедру по прикладной геологии занял Петр Николаевич Чирвинский, кафедру полезных ископаемых – Петр Петрович Сущинский. Приезд этих двух выдающихся ученых из Петербурга в Новочеркасск был, несомненно, большой удачей и значительно повышал статус нового института и самого города.

Сегодня мы не можем определенно сказать, почему они приняли это предложение, ведь в столице их научная карьера развивалась достаточно благополучно. Возможно, их привлекли новые перспективы, которые могло дать заведование кафедрами в новом учебном заведении. В их судьбах много общего, они пересекаются, несмотря на то, что оба родились и жили поначалу в разных городах, но в дальнейшем они работали в Минералогическом кабинете Санкт-Петербургского университета совместно с В. И. Вернадским, М. А. Семёновым-Тянь-Шанским, А. Е. Ферсманом.

Петр Сущинский после переезда в Новочеркасск собрал обширные минералогические коллекции, начал работу по изучению геологических особенностей Донской области. А Петр Чирвинский фактически создал новую кафедру, читал лекции и на других факультетах. В 1911 году он получил за свои исследования Ломоносовскую премию.

Спустя много лет, когда в 1931 году оба ученых были арестованы, на допросах в ОГПУ они вспоминали о многих проблемах, с которыми пришлось столкнуться в новом вузе.

Как отмечает Сущинский, в Новочеркасск были переведены преподаватели из Варшавского политехнического института, закрытого за участие студентов в революции 1905 года. Часть потом вернулась в Варшаву, а часть во главе с «математиком Зиминым, кото-

рый отличался реакционным направлением, был ярким антисемитом и большим поклонником казаков», остались в Новочеркасске. По словам Сущинского, в университете отдавалось предпочтение местным кадрам. Эта ситуация обижала ученого, более того, его начали считать «либералом». В профессорской среде образуются группы: малочисленные «либералы» и преобладающая – пассивно-консервативные преподаватели. Борьба шла за автономию института и выборность ректора.

Петр Сущинский не был мягким, покладистым человеком, он мог и высмеять, и сказать колкость, потому отношения с ректором и некоторыми преподавателями у него были напряженные. При этом он видел своей целью не просто научную деятельность, но и работу по развитию образования в нашем городе и области, причем образования, основанного на либеральных подходах и идеях. Не случайно именно он стал первым выборным ректором ДПИ.

П. Н. Чирвинский в показаниях, данных на следствии, также подчеркивает, что жизнь в царской России была не идеальна. Он вспоминает и недостаточно быстрое присуждение титула, соответствующего занимаемой должности, и отсутствие благосклонности начальства (видимо, он также относится к группе «либералов», добивавшихся выборности ректора), и свое участие в протестах против царской власти.

Из показаний Петра Чирвинского:

Сидел за студенческие беспорядки в 1905 г. Укрывал большевика Шлихтера (нарком Земледелия Украины)... В чисто служебном отношении в царское время я не имел почти никакого продвижения – достаточно сказать, что я только по должности профессора считался статским советником, а так был коллежским советником. Ни за что меня не допускали к должности декана и т. п. Со своим кабинетом прикладной геологии я дольше всех мариновался в тесном временном помещении и т. д. Все это, конечно, исторические мелочи, но характерные для того, чтоб не иметь повода видеть во мне личность, видевиую в прошлом достаточно прелестей, которые бы могли меня сбивать с пути честного советского специалиста.

П. П. Сущинский и П. Н. Чирвинский были знакомы задолго до приезда в Новочеркасск, ведь они работали вместе в Петербурге. После переезда они продолжают общаться, вместе работать. В своих дневниковых записях за разные годы В. И. Вернадский не раз упоминает их фамилии, следит за их судьбой; в архиве сохранилась их переписка с Вернадским. К нему же с просьбой о помощи обращается Елизавета Ивановна Сущинская после ареста мужа и своего ареста в 1937 году. Ферсман добивается реабилитации Чирвинского в 1944 году и даже выдвигает его кандидатуру на выборы в Академию наук.

Круг таких высокообразованных людей России был достаточно узок, и появление в Новочеркасске профессоров из Москвы и Петербурга давало возможность и донским студентам попасть в этот круг, в первую очередь в качестве учеников своих педагогов. Традиции столичной и европейской научной среды они попытались привить и в Новочеркасске. Д. П. Сердюченко, выпускник ДПИ, отмечает: «Лекции профессора Чирвинского усердно посещались студентами, аудитория была всегда полной» (из показаний Сердюченко). Лекции Сущинского были менее яркими, но он часто приглашает наиболее способных студентов к себе домой в гости, так что они получали возможность общаться и после занятий. При этом

сам Чирвинский говорит о себе, что он «плохой компанеец», не любит пить, редко бывает в театре, а Сущинский, наоборот, любил повеселиться, любил компании.

Так или иначе, но за короткое время они смогли заложить основы новой геологической школы, занимаясь не только прикладными, но и теоретическими исследованиями.

Время надежд

«Февральская революция и свержение самодержавия значительной частью профессуры и в особенности „младшими преподавателями“ была встречена с восторгом», – так характеризует настроения преподавателей и студентов к революции П. Сущинский. Именно он становится первым избранным ректором. Время было тревожное, но вселяло надежды. Даже приход к власти большевиков не виделся тогда окончательным: «произошедшее после Октябрьской революции объединение казаков и избрание атаманом Каледина заставило меня, как и большинство профессоров надеяться на победу казачьих войск над красными». Профессора активно включились в общественную жизнь, они не входили в правительство Каледина, но принимали участие в работах крестьянских съездов. Приближение красных к городу заставило прекратить занятия в институте. На общем собрании, организованном студентами, было решено «отдать себя в распоряжение калединского правительства» (из показаний Сущинского). Институт прервал работу.

Самоубийство Каледина и приход красных все изменил. Сущинский говорит о настроениях того времени:

Слухи о зверствах и бесчинствах, творимых Красной армией, заставили нас переживать не только за свои жилища, но и за целостность наших лабораторий, кабинетов, с которыми сроднились, которые были для нас чем-то родным. Все это вместе взятое поддерживало во мне сильную активность против советской власти.

Опасения не были беспочвенными. В Ростове произошло чудовищное убийство профессора Андрея Робертовича Колли, которое произвело на всех тяжелое впечатление. Его подробности были изложены в акте Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем вооруженных сил Юга России:

По ложному доносу о том, что у А. Р. Колли хранятся оружие и бомбы, к нему в квартиру по улице Пушкинской явился отряд красногвардейцев. На улице в роли судьи революционной совести выступила разъяренная толпа из солдат, подростков и женщин. Они глумились над Колли, называя его «кадетом», «контрреволюционером», «генералом», «миллионером», требуя убить его. После второго безрезультатного обыска в квартире красноармейцы-латыши, выйдя на улицу, сняли с профессора пальто, пиджак, шапку и ботинки, надели на него принесенный ими с собою китель с одним погоном и аксельбантом и, поставив к стенке, расстреляли. Когда профессор упал мертвым, его труп оттащили на середину улицы, женщины топтали его ногами, некоторые плевали на него, а один солдат, сорвав погон с кителя, глумясь, вложил его в рот покойника. Толпа требовала смерти его вдовы и детей. Несколько дней тело Колли оставалось на улице, несмотря на распоряжение городской управы прибрать его. Служители больницы опасались обвинений в том, что «заботятся о кадете».

Петр Чирвинский в эти дни был посажен на гауптвахту, поскольку он открыто выступал против заключения Брестского мира с немцами. Он призывает не допускать заключения мира с немцами, предупреждает, что те стремятся захватить Донбасс. Как показывал Сущинский, им пришлось «вызволить» Чирвинского. Помогло то обстоятельство, что Ларин (военный комиссар Новочеркасска), был его студентом. Чирвинского выпустили, запретив выступать на митингах.

К счастью, власть красных в тот раз была недолгой. Приход Краснова был встречен с облегчением, вновь был открыт институт, но и эта власть вызывала серьезные опасения у профессоров. Они пытаются теперь спасти людей от белого террора:

Во время казачьей власти на Дону вместе с П. П. Сущинским... был выделен от Совета Донского политехнического института для приостановления расправы над красными близ тюрьмы в Новочеркасске, была депутация во дворец генерала Краснова... (из показаний Чирвинского).

Но делегацию просто не приняли, профессорам дали понять, что с ними не собираются считаться. В своих показаниях Чирвинский отмечает:

Оставаясь контрреволюционно настроенным, как и большинство сослуживцев по ДПИ, я, тем не менее, ясно понимал, что начинался фарс белой власти, где профессорам плохо.

Если при Каледине можно было надеяться если не на равенство, то на защиту интересов иногороднего населения, к которому относились профессора, то что будет при Краснове, стремившемся к созданию казачьей республики, – это был большой вопрос.

В это время Чирвинским была составлена «Докладная записка об общественном положении», направленная в правительство Войска Донского, где он описывает сложившуюся в области ситуацию, поднимает самые злободневные вопросы: цены на продовольствие, уголь, проблему квартплаты и предлагает некоторые меры, чтобы не допустить хаоса. В конце этой записки он изложил свои взгляды на власть: она должна быть «более чуткой к требованиям социальной справедливости, быть властью надклассовой, хотя бы и железной. Если будут возможны сюрпризы на Большом Круге, состоящем только из казаков, то тем более они будут проявлены в жизни т. н. иногороднего населения, равновесного казакам, которое заговорит во весь голос, когда немцы вынуждены будут оставить город». Этот документ был приобщен к уголовному делу в 1931 году как доказательство вины.

Надеясь, что это временно

Но окончательная победа красных коренным образом изменила жизнь профессоров. Многие из них покидают город, но Чирвинский и Сущинский остаются. Семья, страх перед бегством в неизвестность, надежда, что все это ненадолго, видимо перевесили. Хотя отношение к советской власти у них было крайне негативное. Правда, пришедшие к власти большевики нуждались в инженерных кадрах, поэтому институт возобновил свою работу, но положение профессоров стало чрезвычайно тяжелым:

Начались занятия в неотопливаемых помещениях, почти при полном прекращении заработной платы, наконец, наступление голодного 1921 года, все это поднимало наши антисоветские настроения. Неоднократно приходилось на лекциях упоминать достижения в научных областях Западной Европы и о тех тяжелых условиях, в которые советская власть

поставила науку. Первоначально была мысль, что Советская власть ненадолго (из показаний Сущинского).

Можно себе представить, какими незначительными казались теперь все проблемы и неприятности дореволюционного времени. А у Чирвинского к тому же было двое детей. Он отмечает:

За голодным 1921 годом и частью 1922 года раздражение достигло большой степени, группа ожидала падения Советской власти, не считая ее способной вывести страну на широкую дорогу хозяйственного строительства.

Вспоминая об оплате труда, Чирвинский называет цифры в 25–40 рублей и подчеркивает, что это было ничтожной суммой.

В 1924 году все преподаватели новочеркасских вузов провели собрание и приняли решение

просить Советское Правительство разрешить массовый выезд за границу. В резолюции отмечалось и обращение к иностранным державам принять инженерно-технические силы, которые не находили себе поля развития в РСФСР.

Понятно, чем это было вызвано, но трудно представить, чтобы большевики вот так всех отпустили. Идея массового выезда за границу не была реализована.

Однако для того, чтобы смягчить недовольство научных работников, большевики начали повышать им уровень жизни, создавать условия, необходимые для нормального (правда, речь шла, по сути, о выживании) существования.

Академический паек

В 1921 году по записке Максима Горького была создана Центральная комиссия улучшения быта ученых (ЦЕКУБУ). Для чего новой власти были нужны ученые, говорится в декрете СНК от 6 декабря 1921 года: «В целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления народного хозяйства».

ЦЕКУБУ создавалась по принципу элитарной, а не профсоюзной организации. На ее обеспечение было принято 8000 человек с семьями – наиболее ценные специалисты всех отраслей знания и искусства. Списки ученых составлялись на местах и рассматривались экспертной комиссией ЦЕКУБУ, после чего утверждались правительством. Членство в ЦЕКУБУ давало бесплатный академический паек дополнительно к основному пайку, который получала интеллигенция в период «военного коммунизма». Академический паек был в 1,5–2 раза больше пайка «рабочего ударного предприятия»¹.

На Дону в тех же целях была создана ЮВКУБУ. В нее подавались заявки, в которых ученые просили улучшить бытовые условия: выдача пайка, выделение угля на время отопительного сезона, смена места жительства, иногда деньги на лечение. Чаще всего заявления удовлетворялись.

¹ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1999.

Таким образом, созданная комиссия сыграла огромную роль в выживании ученых, но она и втянула их в распределение благ, научила просить пайки, кланяться или требовать причитающееся, выяснять, кто живет лучше и почему. Раньше они могли заработать себе на жизнь, а теперь государство решало, кто из них может жить лучше, кто – нет.

Ученых поделили по разрядам, объяснив, что кто из них важнее, тех и кормить будут лучше (Сущинский во время допросов подчеркивает, что он получает академический паек, следовательно, является ценным работником), но даже при такой политике тогда еще сохранялось чувство солидарности и дружбы. На одном из заседаний было, например, оглашено решение «частного совещания профессоров и преподавателей физико-математического факультета о ежемесячном 1 % отчислении в пользу семьи профессора Колли». Того самого Колли, который был убит большевиками.

Комиссия существовала довольно долго и смогла выполнить свою задачу. Она не только спасла жизнь ученым, но и приучила их к новым условиям. Среди них выделилась верхушка, распределявшая блага.

Буква ять как символ лояльности

Однако одновременно с работой ЦЕКУБУ в местной печати начинается компания против профессоров старой школы. Казалось бы, большевики проводят всего лишь орфографическую реформу, в результате которой из русского письма были исключены буквы ять, фита и написание твердого знака в конце слов, заканчивающихся на согласный, а также были заменены некоторые орфографические правила. Собственно, для нас важна не сама реформа, а то, что даже этому, казалось бы, чисто орфографическому вопросу, придали политический характер и старую привычку писать слова с ликвидированными буквами оценили как признак старорежимности. Местные газеты публиковали заметки такого содержания:

Спасибо полезной букве, твердому знаку! В 1918 году буква-паразит испытала то, что испытали и ее хозяева-паразиты, бездельники и грабители всех мастей: ей была объявлена решительная война. Не думайте, что война эта была простой и легкой. Люди старого мира ухватились за ничего не означающую закорючку «#» как за свое знамя. Повсюду, где еще держалась белая армия, где цеплялись за власть генералы, фабриканты, банкиры и помещики, старый «ер» выступал как их верный союзник. Он наступал с Колчаком, отступал с Юденичем, бежал с Деникиным и, наконец, уже вместе с бароном Врангелем, убыл навсегда в невозвратное прошлое...

Или прибегали к прямым политическим доносам:

Профессор Донского Политехнического Института А. Г. Белявский никак не может усвоить элементарных правил советской грамматики. На одном из деловых заявлений, поданных им в государственное учреждение, этот профессор соблюдает все правила грамматики времен давно отжившего Кассо. Начиная со своей фамилии, он пишет все через «ять», пестрит всюду «твердый знак» и прочее. Следовало бы новочеркасскому наробразу поместить профессора Белявского в школу по ликвидации неграмотности, дабы «помочь» ему освободиться от пережитков старины.

Но история с орфографией – лишь маленькая часть большой кампании по травле профессоров, преподавателей старой школы, которая постепенно разворачивалась на страницах местной печати. Большевики с каждым годом все меньше нуждались в них, постепенно заменяя своими кадрами, «партийцами». Пусть эти кадры были качеством похуже, но зато идеологически они были «правильными».

Чирвинский очень резко отзывался о новых партийных деятелях:

Понасажали в Главпрофобре портных да сапожников... те и громят высшую школу без всякого разбора и здравого смысла... требуют от нас заполнять бесконечные глупые анкеты, формы, заявки, а это все чепуха, мыльные пузыри... (из показаний Сердюченко).

С другой стороны – резко изменился и состав студентов, теперь на первый план выходят не их знания, а пролетарское происхождение. В вузы принимались даже лица с низшим образованием. Вот что об этом говорят газеты тех времен:

Официальные цифры рисуют процесс весьма быстрой пролетаризации ВУЗа. Так в этом году принято свыше 70 процентов рабочих, крестьян и их детей. Но, внимательно приглядевшись к живым лицам, приходишь к выводу, что значительный процент «рабочих» составляет молодежь, весь производственный стаж которых – ученичество или фабзавуч. Таким образом, у нас из этих кадров выйдут инженеры, весьма слабо по прошлому своему знакомые с производством, с рабочей жизнью на фабрике и заводе.

По металлургическому Институту принято на первый курс 176 человек, из них 72 проц. окончивших рабочие курсы по подготовке в ВУЗ'ы.

Какого качества было образование, полученное на рабфаке, можно себе представить, но и его урезают:

Кончим рабфак в два года. С января 1931 года на первом курсе рабфака оформилась группа ударников в количестве 30 человек, которые приняли обязательство проработать в 2 года трехгодичную программу.

Кто пришел в вуз? Рабочие, крестьяне, стремящиеся к знаниям? Кто-то – да, а кто-то был отправлен в вуз без его желания. Чирвинский очень переживал из-за этого:

Силой хватают рабочих и батраков, сажают их без экзаменов в вузы, а они арифметики не знают, смотрят на учебу как на принудилровку и при первом случае сбегают (из показаний Сердюченко).

Малообразованная пролетарская молодежь, пришедшая в вузы, начала указывать преподавателям, как и чему их учить, что также поощрялось прессой. Студенты диктуют преподавателям, как читать лекции, требуют не только менять программы, но и каяться в своих заблуждениях.

Реакционная профессура сопротивляется перестройке. Развернуть широкую самокритику вокруг работы всех кафедр. Не удовлетворительны выступления профессоров Зимина и Новопокровского. Они вместо практической разработки вопросов перестройки своих дисциплин на марксистско-ленинской основе занялись малозначащими и несущественными для поставленной задачи рассуждениями (Молот. 1931. 19 апреля).

Если же преподаватель начинает упорствовать в своих заблуждениях, то начинается его проработка. Сначала на собраниях в институте: «Материал сегодняшней проработки в нашей газете показывает, что классовый враг в лице реакционной профессуры еще не сдался...»

Затем все это выливается на страницы газет. Иногда на одного человека обрушивался целый вал критики. Примером такой компании может стать серия статей, посвященная доценту Семянникову. В статье «Невежество или вредительство» преподавателя обвиняют в том, что на него

...влияет очень мало бурный революционный процесс в сельском хозяйстве, а также жесточайшая идеологическая борьба против Чайнова и чайновщины. Автор смотрит на все это с высоты большого специалиста, ставящего задачу дать технику организации хозяйства, независимо от экономической структуры, технику, одинаково якобы применимую и в условиях буржуазного общества и в СССР. Непонимание зависимости техники и организации сельского хозяйства от общественно-социальных форм особенно странно со стороны доцента Семянникова.

Далее следуют подпункты обвинения: «автор не заметил пятилетку», «кулацкие установки», «диалектика без диалектики».

Сигнал был принят. Через несколько дней выходит статья «Разобьем последние позиции классового врага» с подзаголовком: «разоблачение доцента Семянникова еще раз подтверждает, что теперь же необходимо развернуть массовый общественный пересмотр программ по всем дисциплинам». В той же газете от 10 февраля было сообщение о том, что «совет общественных кафедр водного института, разобрав статью и программу доцента Семянникова, постановил снять его с работы в водном институте». А далее появляется статья самого Семянникова «В порядке самокритики», где он, признавая ошибки в составлении программы, уверяет, что в его действиях нет злого умысла, и напоминает о своей роли в борьбе за проведение «партийной и советской линии» в вузах, за что он получил «немало ударов от реакционной и контрреволюционной профессуры». И тут же комментарий редакции к этому письму: «Считаем, что доцент Семянников еще недостаточно полно разоблачил свои политические ошибки. Ждем более глубокой критики».

Из показаний Сердюченко:

Чирвинский не раз говорил: «Студенты совсем сорвались с цепи, сплошная наглость: кристаллографии и математики не сдали, а разбирают, нужен ли им предмет на четвертый курс, сокращают программы. А все потому, что знаний у них нет, башка не варит, вот и хотят трудные предметы выкинуть».

Студенты платили преподавателям тем, что прорабатывали их, писали жалобы, статьи в газету. Причина такого противостояния понятна. В вузы пришли люди неподготовленные, плохо понимающие материал лекций. Они требовали давать им поменьше теории, увеличить практические занятия, ввести дополнительные часы. А старые профессора были не готовы к такой работе, они видели, как снижается уровень институтского образования, считали, что без теоретических знаний невозможно освоение специальности. Но советской власти не нужны были специалисты с энциклопедическими знаниями. Началось сокращение программ, было выдвинуто требование выпускать новых специалистов в ускоренном темпе. Между вузами объявляется соревнование: «Кто быстрее?».

Социалистическое соревнование в вузах

Одной из задач этого соревнования было сокращение сроков обучения в вузе. Стране срочно требовались специалисты, пусть даже недоученные. Чем эта погоня за темпами закончится, на тот момент никто не думал:

Группой был выработан встречный учебно-производственный план, сокращающий на 20 дней настоящий академический год. Эти 20 дней должны пойти на расширение производственного обучения.

В газете регулярно появляются статьи с требованиями к преподавателям включиться в соревнование, заняться пересмотром своих программ в сторону увеличения темпов и сокращения теоретической части. Приводятся положительные примеры «правильных» преподавателей и показывается, что будет с теми, кто страдает «темпобоязнью»:

В ударной борьбе за кадры не может быть научного работника, не выполняющего активно обязательств по соцсоревнованию. На рабфаке при институте водного хозяйства и мелиорации работал в качестве преподавателя физики Карапачинский. Он строил работу так, что вселял неверие в силы студентов рабфака, особенно рабочей прослойки, в части преодоления различных дисциплин. Своим грубым отношением Карапачинский отбивал охоту учиться. Когда комиссия по соцсоревнованию одного из курсов попросила Карапачинского прийти на заседание для обсуждения успеваемости студентов, он заявил: «Мне соцсоревнование не нужно. Соревнуйтесь, а я и так все знаю».

Общее собрание студентов рабфака потребовало немедленно снять с работы Карапачинского. И это было выполнено, Карапачинского уволили.

Одним из факторов, обеспечивающих изменения в вузах, переход на новые темпы работы становится увеличение числа партийцев и среди преподавателей, и среди студентов.

Во главе Политехнического института ставят людей, не имеющих отношения к преподаванию, но партийных. Попытка профессоров повлиять на эту ситуацию и сыграть на опережение власти не удалась. Когда были назначены очередные выборы ректора, то вместо того, чтобы дожидаться решения сверху и проголосовать за предоставленную кандидатуру, они проголосовали за приглашение Ф. Ленгника, бывшего доцента начертательной геометрии, работавшего в Москве, еще до революции вступившего в партию. Но он им сообщил, что не собирается возвращаться в Новочеркасск. Эта попытка впоследствии была оценена как борьба за «сохранение автономии высшей школы в старом понимании этого, прежде всего выборность должностных лиц, коллегиальность» (из показаний Чирвинского).

Результатом конкурса стало сокращение программ, которое выдается за большое достижение:

Конкурс позволил мобилизовать внутренние ресурсы и уплотнить рабочий день, увеличить академический час, сократить срок проработки отдельных предметов. На этом ограничиваться нельзя, а надо развернуть еще большую войну академпотерям.

Эти веяния приводят к отдалению Сушинского от института, он замыкается в кругу людей, близких ему по духу:

Чувствовались симпатии только к людям из высшего класса, в домашнем кругу опять сходились идейные сообщества для того, чтобы высказать свои недовольства и устроить вечеринки, вспомнить старое, поговорить о том, как ему помочь вернуться и выжить (из показаний Орлова, ассистента Чирвинского).

Чирвинский тоже воспринимает новые веяния как личную трагедию. На лекциях он все чаще насмеяется над новой властью и ее «лучшими представителями» – партийцами.

Свои, в общем-то содержательные и интересные лекции, Чирвинский часто пересыпал шуточками антисоветского характера, которые должны были в глазах студентов ставить советский строй в смешное и невыгодное положение. Обычно такие остроты встречались одобрительным шумом и смехом почти всей аудитории (из показаний Сердюченко).

Но когда речь заходит о требуемых изменениях в учебных программах, ему становится не до смеха, он теряет выдержку. Примечателен эпизод, описанный Сердюченко:

Летом 1929 г. Чирвинский в раздражении и требовательно попросил меня прийти на заседание предметной комиссии, чтобы голосовать за его точку зрения и сдержать обнаглевших студентов, которые хотят его курсы сократить или выбросить, т. е. останутся дикарями, а из Института сделают балаган.

Сердюченко тогда поддержал своего учителя, но позже и он разместил в институтской газете статью, в которой дал свои предложения по сокращению сроков обучения.

Погоню за темпами Чирвинский вспоминает с ужасом:

За что нас тут можно практически и теоретически упрекать? Еще за большую скорость работы, но мы и так побили рекорды таковой и совсем не потому, что на нас слали град спешных телеграмм об ускорении, ведь нужно было добиться точных результатов химических анализов.

Он работает, что называется «на износ»:

Чрезвычайного напряжения этого рода работа достигла с июня 1930 года, ибо по распоряжению Крайсовнархоза и президиума Крайисполкома, как особая важная работа, было намечено составление справочника по полезным ископаемым Сев. Кав. Края. Основная тяжесть работы выпала на меня, т. к. в разгар полевых работ было невозможно найти геологов-сотрудников. Эту работу я вел ночами и во время месячного отпуска, от чего совсем не отдохнул и чувствовал себя до крайности переутомленным... Текущая работа в СКГРУ поглотила все мое внимание. Я работал, падая от усталости к ночи, и это изо дня в день так. Текущая работа не иссякала и росла.

Атмосфера в институте становилась все более невыносимой. Еще с 1927 года ново-черкасские профессора преподавательской работе предпочитают практическую разведывательную деятельность на Северном Кавказе. Сущинский, Чирвинский сосредоточиваются на работе в Северокавказском управлении Геолкома. Они ведут геологические изыскания, разведку новых месторождений на всем Северном Кавказе. Но это не только не спасает их от обвинений во вредительстве, но и становится одним из отягчающих факторов. Их обвиняют в участии в деятельности Промпартии на Юге России.

Нынче выпал жребий трое...

Дело готовилось заранее, первые аресты геологов начались еще в январе 1930 года. В разгар московского процесса по делу Промпартии был арестован ассистент Чирвинского В. И. Орлов. Из протокола допроса В. И. Орлова:

18.11.30 г. Признаю, что в моей предыдущей работе по энергостроительству были вредительства в том смысле, что принимал во многих случаях работы на Гизельдоне существование вредительских элементов со стороны проектировавших организаций, отдельных инженеров.

Он признавался во всем, что от него требовали:

– Признаете ли вы себя виноватым в причастии во вредительской организации? – Да, признаю. – Какие задачи ставила контрреволюционная организация? – Контрреволюционная организация ставила задачи бороться с восстановлением и реконструкцией народного хозяйства края.

О том, что настоящей мишенью органов ОГПУ были профессора Сущинский и Чирвинский, свидетельствует тот факт, что большая часть допросов В. И. Орлова была посвящена доказательству их руководства вредительской организацией, названной авторами дела «Промпартией»:

Мне известно, что еще с 27 года после открытия Отделения во главе его стояли старые профессора Донского Политехнического института – Сущинский, Чирвинский, Лисицын и другие лица – ставленники Сущинского, которые тесно сплотились в целях общих – всю работу геолкома вести определенно в своих интересах, позже к этой организации примкнул и я, так как работать иначе было бы невыносимо. До и после 29 года все старые специалисты постепенно втягивались в эту организацию. Частично к ней примыкали и молодые спецы. В организации состояли кроме поименованных выше лиц еще... и все беспартийные специалисты... 22. XI. 30 года.

Как ни абсурдно это выглядит, но профессора обвинялись даже в том, что хорошо работали и разведывали новые месторождения.

Здесь и создавалось ядро из профессоров старых работников ДПИ, поставивших целью подготовиться и встретить белых, то есть в области геологии главным образом подготовить месторождения полезных ископаемых для концессионеров. В этих объединениях так же состояли и профессора других факультетов. Цель этих объектов была сделать видимость исполнения работы, согласно желаний Советской власти, и в то время всяческих оказаний внутренних сопротивлений при помощи скрытой вредительской работы.

Следствию нужно было обнаружить связь новочеркасских профессоров с зарубежными эмигрантскими кругами. Для этого отлично подходил П. П. Сущинский, неоднократно бывавший за границей и имевший обширные связи в научных кругах:

Мне известно, что главные люди, головка организации, имели инструкции и от центра, но подробности я не знаю. За это время профессор Сущинский сумел побывать два раза за границей и там, несомненно, получил какие-то инструкции, так как по приезду его давались

инструкции служащим геолкома делать планы и смены на другие, заведомо безнадежные месторождения... Вся деятельность Сущинского координировалась во время его поездок за границу, где он поддерживал связь со старыми профессорами, сообщал им сведения о делах СК Геолкома и вел переписку.

Еще один замечательный пункт обвинения заключался в том, что профессора честно выполняли свою педагогическую работу, знакомили студентов с новейшими достижениями зарубежных ученых:

Когда лектор восторженно хвалил новые литературные работы, напечатанные за границей, ругал условия печатанья в СССР, давал картины мощных оборудований разведок и разработок полезных ископаемых за границей, все союзное оказывалось мало интересным и мизерным. Так постепенно студент становился на стороне интересов старой капиталистической среды, в дальнейшем увлеченный авторитетами он и в поле работал с одной мыслью о загранице, скрывая новые, найденные полезные ископаемые для будущих концессионеров...

Итоговым заключением этого и других допросов становится обвинение Сущинского в руководстве Промпартией:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.